

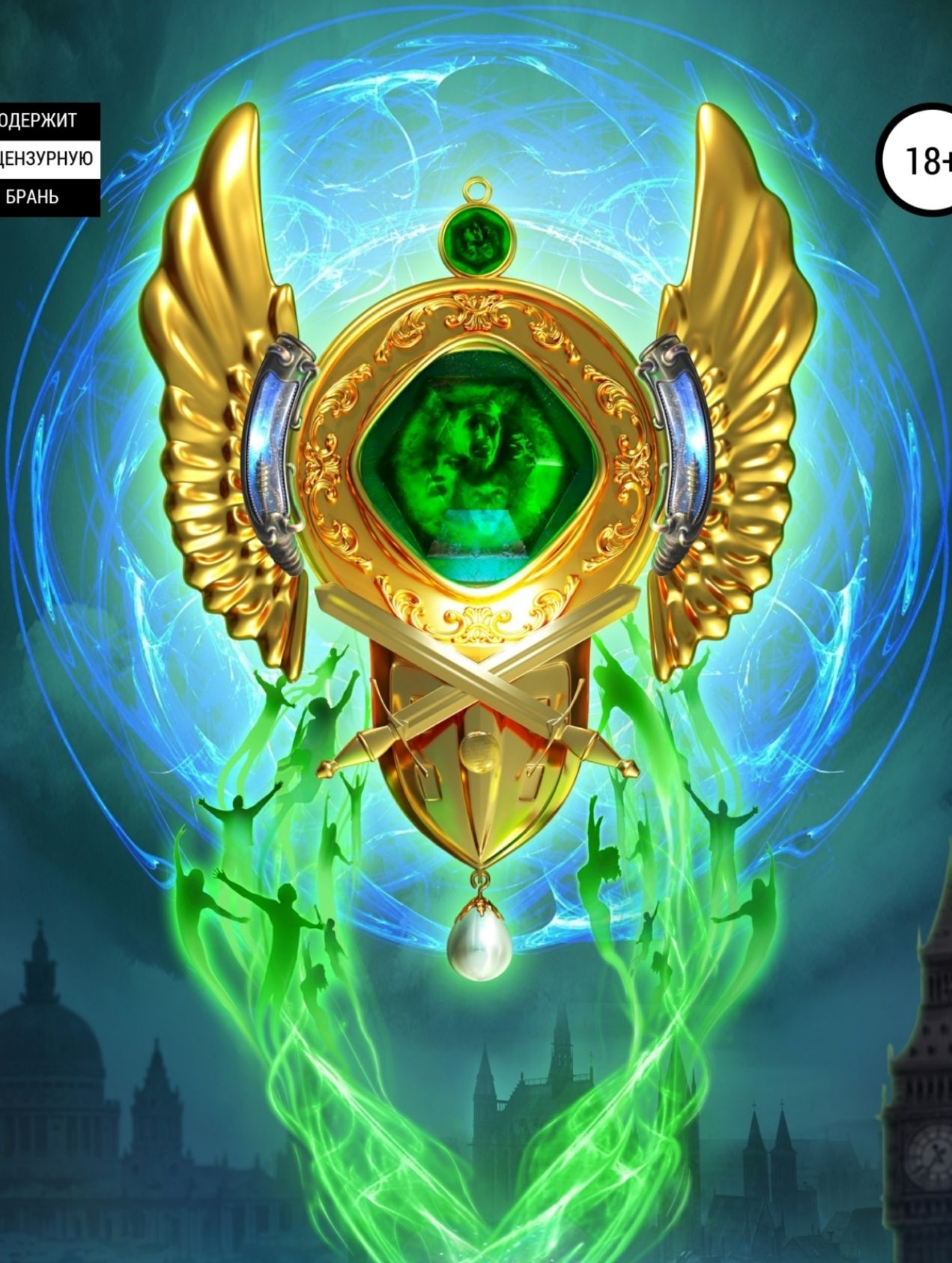
ДМИТРИЙ РАСПОПОВ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

РЕМЕСЛЕННИКИ ДУШ ИЗГОЙ

Ремесленники душ

Дмитрий Распопов

Ремесленники душ. Изгой

«Автор»

2021

Распопов Д.

Ремесленники душ. Изгой / Д. Распопов — «Автор»,
2021 — (Ремесленники душ)

Новости о смерти первого настоящего учителя и наставника застают Рэджинальда врасплох. Как? Когда? Почему он погиб? Что случилось с Анной? Никто не даёт и не собирается предоставлять ему информацию, ведь он находится под домашним арестом из-за участия в сверхсекретном проекте империи. Поэтому единственный способ её получить — это побег. Дворянский титул, статус исповедника, сбережения — всё ставится на кон ради исполнения данного когда-то слова. Содержит нецензурную брань.

© Распопов Д., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Распопов

Ремесленники душ. Изгой

Глава 1

Слуга отсутствовал достаточно долго, вынуждая меня метаться по комнате, словно загнанного зверя. Я то бросался к письму, повторно читая строки, словно ища в них что-то новое, то смотрел на собственное изображение, которое подарил Анне при расставании. Лучше от этого не становилось, поэтому, когда на пороге появился хмурый начальник охраны, мои нервы были на пределе.

– Мистер Сандерс, мне нужна информация, – я помахал перед его лицом полученным письмом.

– Насчёт этого не было распоряжений, – спокойно ответил он, – единственное, что могу вам сказать, что майор действительно мёртв и его тело опознано, а его ассистентки рядом не оказалось. Судя по оставленным следам, её забрали с собой нападавшие.

Кулаки сжались от ярости.

– Что делается для того, чтобы найти её?

– Всё, что положено в таком случае, – он пожал плечами, – не беспокойтесь, сэр, капитан очень ценный антианимант, и на её поиски будут выделены большие силы.

– Я понимаю, что не могу выйти из замка, но хотя бы передайте сэру Артуру, что мне хотелось бы помочь в поисках.

– Передам вашу просьбу, – он чуть склонил голову и, повернувшись, вышел из комнаты.

Неделю спустя

– Мистер Сандерс, – мой голос был спокоен, но внутри всё бурлило, – как это понимать?

– Я передал вашу просьбу, но сэр Артур сейчас очень занят, – мужчина опасливо покопился на меня, – просил передать, чтобы вы подождали.

– Хорошо, тогда что насчёт Анны?

– Поиски продолжаются, – лаконично ответил он.

Я поднялся с кровати, и бушующее внутри недовольство выплеснулось наружу. Тысячи тонких отростков, видимых только мне, выстрелили в стоящего напротив собеседника и словно окутали его душу коконом. Он замер, видимо, что-то почувствовав, несмотря на то, что был из тех людей, чью душу ремесленники не могли изъять насильно.

– Сэр Рэджинальд, – он сглотнул, но остался спокоен, – вы ведь понимаете, что если убьёте меня, то совершите государственное преступление? Сэр Артур был против того, чтобы вас по запросу императора поместили в более защищённое место, не усугубляйте своего положения.

– То есть мне ещё спасибо вам нужно сказать за это всё? – ярость стала сильнее при упоминании императорской семьи.

– Просто наберитесь терпения.

Я убрал свою ауру, поскольку ещё слово-другое – и он точно бы не ушёл отсюда живым. Майор мёртв, Анна неизвестно где, а я тут в заключении, и мне не позволяют даже почитать газеты, лишив любой информации.

Месяц спустя

Под дверь команды просунули свёрток, который я, поднявшись с кровати, сразу же спрятал за пазуху, вместо этого положил в щель между порогом и дверью монету стоимостью в сто гиней. Она моментально исчезла.

Вернувшись на место, я затушил газовые фонари, оставив только один, установленный над кроватью. Затем вытащил свёрток и развернул его.

– Да! – обрадовался я, увидев кипу свежих газет за последние дни.

Причем здесь были как имперские официальные вроде *The Daily Telegraph*, так и бесплатно распространяемые республиканские агитки в виде *Le Dauphiné Libéré*. Их я указал специально, чтобы узнать, о чём пишут наши противники. Конечно же, слуга, который согласился в обмен на деньги этим заниматься, был мне неизвестен. Я просто однажды оставил на видном месте записку с таким предложением, когда убирали мою комнату, и вскоре первая пачка газет оказалась у меня под дверью.

Я, конечно же, мог легко отличить его душу от всех остальных в доме, но вот что касалось внешности, она до сих пор оставалась для меня загадкой, ну да мне это было и безразлично, главное, я стал узнавать, что происходит вне стен моей тюрьмы. Правда, никакой информации о механиках, которые вместе со мной участвовали в проекте, не было, как, впрочем, и о сэре Пэрри. Судьба этих людей, вовлечённых мной в проект, меня также волновала, но, как и по Анне, охрана отказывалась выдавать мне информацию.

Новости империи я пролистал быстро, ничего существенного, кроме радостных бравурных сообщений о громких победах над республиканцами, а вот *Le Dauphiné Libéré* заставила сердце сделать drobный перестук. На страницах из самой дешёвой серой бумаги, большей похожей на картон, были фотографии десяти ремесленников, которых тайная служба убила или захватила в плен за последние три месяца. Республиканцы подавали достижения своей особой службы, которая специализировалась на этом, и ни слова не говорили про новости с фронтов, где у них, видимо, было не всё так радужно, как им хотелось. Фотография Анны в полном боевом облачении там также присутствовала. Я поднёс её ближе, чтобы рассмотреть тусклые чернила печати, но что-либо рассмотреть оказалось трудно, единственный вывод, который можно было сделать на этом основании, она всё ещё жива.

Три месяца спустя

– Сэр Артур, – я хмуро посмотрел на сидящего передо мной главу тайной полиции, – как такое возможно?

Мужчина, лицо которого сегодня, как, впрочем, и обычно, представляло застывшую маску, спокойно соврал мне в ответ:

– Анна мертва, сведения достоверны. Поиск остановлен.

Я посмотрел ему прямо в глаза, надеясь, что он передумает и ответит честно, но нет, он спокойно на меня смотрел и не собирался говорить ничего другого. Может быть, я и поверил бы его словам в другой раз, так как привык ему доверять, и раньше он для меня сделал столько хорошего, но сейчас, когда у меня под матрасом лежала вырезка из вчерашней республиканской газеты о том, что знаменитый антианимант империи Анна Билофф полностью раскаялась в своих поступках и сейчас сотрудничает с Сенатом и органами госбезопасности республики, я по другому посмотрел на его слова.

– Что с теми инженерами и механиками, что принимали участие в проекте дирижабля? Что с моими деньгами, которые, как вы помните, я, кроме своих знаний, вложил в проект?

– За них не беспокойтесь, теперь весь цех работает на нас, поскольку технология запущена в массовое производство. Что насчёт ваших, моих и всех других акционеров, что вложились в проект, суммы возвращены государством в полной мере. Ваши деньги лежат на счету в банке.

– Никаких дивидендов? Проект просто у нас отняли? – спокойно спросил я, поскольку только что принял решение, которое вряд ли бы ему понравилось, узнай он об этом.

– Государство национализировало идею, так что все довольны тем, что нам хотя бы вернули вложенные средства, обычно такое происходит без возвратов, – маска на его лице даже не дрогнула.

– Каковы планы относительно моей дальнейшей судьбы? – задал я последний интересующий меня вопрос.

Мужчина замолчал, но спустя минуту нехотя ответил:

– С тобой всё сложно, Рэджинальд. Мне приходится выдерживать многочасовые споры с канцелярией императора и его советниками, только чтобы твоё текущее положение осталось прежним.

– В смысле? – холодно поинтересовался я.

– Понимаешь, никто больше не сомневается в том, что ты гениальный ремесленник, который без государственного контроля может ещё изобрести что-то, что навсегда изменит расклад сил на обоих континентах.

Сэр Артур замолчал, словно подыскивая дальнейшие слова.

– Говорите смело, я уже готов услышать от вас всё что угодно, – спокойно заметил я.

– В общем, есть мнение, – он сделал паузу и поправился, показывая пальцем наверх, – которого я, конечно же, сам не придерживаюсь, что вас нужно перевести в более охраняемое место, выделить лабораторию и помощников, которые будут перенимать ваш опыт.

– Мои желания, как я понял, никого не интересуют?

– Именно поэтому я против подобного решения, – нехотя кивнул он, – ни я, ни сэр Пэрри не хотим, чтобы ты работал из-под палки. Доказывая, что всё, чего ты добился на настоящее время, – это продукт твоей доброй воли и грамотного наставничества с нашей стороны, но никак не принуждения.

После его последних слов в комнате повисла тишина, которую он же первым и нарушил.

– Я тебе всё это так подробно рассказываю только потому, что ты прекрасно понимаешь, что, кроме тебя, есть ещё твоя семья, которая живёт в доме, подаренном императором. Ведь они первыми пострадают, если ты выкинешь что-то эдакое.

Он неопределённо повёл кистью в воздухе.

Мои глаза сузились.

– Угрозы?

– Конечно, нет, – он тут же качнул головой, – просто напоминание, что есть ещё куча людей, судьба которых зависит от твоего поведения.

– Я хорошо усвоил прошлый урок, преподанный мне принцессой, запомню сегодня и ваш, сэр Артур, – в душе всё клокотало от ярости, но внешне я был спокоен. Он прав, любое моё действие могло отразиться на маме, бабушке или даже Марте с ребёнком, которых я приютил у себя.

– Тогда на этом всё, – он поднялся со стула и направился к двери.

– Как всё прошло? – поинтересовался первый советник императора, когда парокар качнулся, принимая внутрь салона главу тайной полиции.

– Лучше, чем могло быть, но хуже, чем я хотел, – проворчал человек, устраиваясь напротив собеседника.

Водитель, получив сигнал, тронулся с места. Он был отгорожен от салона броневыми стенками, но загоревшаяся лампочка над головой давала понять желания невидимых пассажиров.

– Артур, желание императора – просто не допустить утечки этой технологии, ведь, как ты сам знаешь, всего десять дирижаблей, оснащённых подобным усовершенствованием, сейчас

делают на фронте больше, чем единственный корабль проекта «Аргус», который обошёлся короне в сто раз дороже.

– Когда мы начинали этот проект, у нас не было Рэджинальда, – ответил в своё оправдание полицейский.

– Тебя никто и не винит, корабль просто чудо техники и инженерной мысли! – сразу поспешил успокоить его собеседник. – Но его стоимость по сравнению с эффективностью использования дирижаблей-уловителей...

– Я это прекрасно понимаю, сэр Август.

– Так что давай прекратим наши споры и переведём вашего талантливую, но крайне опасного для всего мира подопечного под охрану императорской гвардии.

Советник сделал паузу, которую легко уловил глава тайной полиции, поскольку давно вращался при дворе и такие с виду незначительные интонации легко схватывал на лету.

– А взамен? – решил уточнить он правильность своих наблюдений.

– Ты давно хотел герцогскую корону на двери своего автомобиля, – как само собой разумеющееся заметил советник, – его императорское величество решил, что это будет равноценный обмен за твою помощь в этом деле.

Сэр Артур не сомневался ни мгновение. Да, было немного жаль за дальнейшую судьбу подопечного, в развитие которого он вложил столько своих сил и времени, но наследуемый титул герцога перечёркивал любые сомнения.

– Согласен, – он протянул руку, заключая сделку.

– Ну вот и отлично, завтра тогда отдам распоряжение на его перевод, – довольно заключил сэр Август.

– Пэрри я тогда уведомлю сам.

– Да, ему ничего не положено, пусть будет рад тому, что на «проделки» его сына мы до сих пор закрываем глаза.

– Согласен.

Глава 2

В два часа ночи я, полностью одетый, откинул одеяло, которым был укрыт, и, поднявшись, подошёл к двери, выпустив отростки души к аурам двух охранников, которые всегда дежурили у входа. Оба были из категории людей с неизвлекаемыми душами, но ничто не мешало мне добавить им моей собственной ауры с нужными колебаниями, которые я подобрал для каждого из присутствующих в замке во время своего вынужденного ареста. Вскоре их души стали излучать во все стороны энергию, опустошая сами себя, чуть позже со своего кресла осел на пол первый охранник, а второй бросившийся было ему на помощь, замер, услышав мой голос.

– Марк, – обратился я к нему через дверь, – открой засов.

– Сэр Рэджинальд! – его голос дрогнул. – Вы не понимаете, что делаете!

– Марк, если ты сейчас не откроешь дверь, то сначала умрёт твой друг, затем ты, а потом и все в доме, включая слуг. Если дашь мне спокойно уйти, никто не пострадает.

– Нападение! Все ко мне! – оставаясь верным своему долгу, охранник из шестого управления громко закричал. Это продолжалось минуту-другую, пока он не понял, что топота ног подмоги нет, как не было и выглядывающих слуг, поднятых им посреди ночи.

– Что вы сделали? – голос его снова дрогнул.

Я давно прислушивался и приглядывался к своей охране, именно из-за молодости парня решил остановить выбор на нём, все остальные в доме были сейчас без сознания. С подготовкой, а также моими знаниями и умениями это не затребовало много усилий.

– Если не откроешь дверь, смерти всех в этом доме будут на твоей совести, Марк, – произнёс я спокойным голосом, подталкивая его к нужному мне действию. Главное было не передавить с угрозами, а то он мог просто уйти, и мне ничего не оставалось бы, кроме как выбираться через окно. С той высоты, где оно было расположено, это крайне опасное занятие.

– Вы даёте слово, что никто не пострадает? – за укреплённой железом дверью раздался звук открываемого засова, а в замке показалась головка ключа.

– Ты сам знаешь, что я не хочу никому навредить, просто хочу спасти своих товарищей, а для этого мне нужно сбежать на фронт.

Ключ провернулся в скважине, и дверь открылась.

– Чтобы не подумали на тебя, – я обратился к нему, – не против, если я и тебя усыплю?

Он согласно закивал, протягивая мне ключ.

– Только я сначала вернусь туда, где лежит Тони, мой напарник.

– Договорились, спасибо, Марк, – я взял протянутый ключ и, пройдя с ним до указанного места, запустил у него процесс резонирования и опустошения души, как и у остальных. Через пару секунд он обмяк и потерял сознание. Закрыв за собой дверь и засов, я вернул ключ его неподвижному напарнику и стал спускаться по винтовой лестнице из башни вниз, туда, где было основное помещение, откуда я мог попасть на улицу.

Подготовка к побегу заняла у меня немного времени, ещё три месяца назад я понял, что меня просто кормят пустыми обещаниями, а сами не собираются ничего предпринимать для поиска Анны. А если поиск и вели, то точно не на территории республики, на которой она, скорее всего, сейчас и находилась, если верить прессе. Так что либо я сам отправляюсь на её поиски, либо этого никто никогда не сделает – это у меня в голове отложилось чётко.

Пройдя в холл и открыв наружную дверь, я спустился по лестнице к припаркованному для служебных нужд парокару. Аккуратно вытащив из машины водителя, занёс его в дом, а сам вернулся за руль. Водитель из меня был так себе, из-за небольшой практики, но доехать до двух нужных мест я должен был, тем более что замок тайной полиции, находился в пригороде

Лондона как раз в той стороне, близко к которой расположено моё собственное имение, всё, что оставалось, – просто добраться целым, не разбив по пути машину.

На моё счастье, поздней ночью дорога была пуста, редкие автомобили проезжали навстречу, слепя меня светом своих фар. Приходилось снижать скорость и от злости на себя кусать губы, ведь я мог научиться лучше управлять транспортом, но нет, всё время ездил как пассажир. Не попав в аварию и чудом не врезавшись в ворота въезда в поместье, я поднял сторожа и его собак, которые на всю округу объявили громким лаем, что кто-то вторгся на их территорию.

– Сэр Рэджинальд? – удивился Джон, подсветив меня фонарём, но не ослепляя им глаза.

– Буди маму, дедушку, Марту, мы уезжаем, – ошарашил я его новостью, – ты тоже. Бросай всё, бери только вещи и деньги.

– Но... – он растерялся, – дом, поместье...

– Всё отберут, хорошо, если не в тюрьму посадят, – я покачал головой, показывая, что всё серьёзно. Он по-военному коротко кивнул и кинулся помогать мне будить всех.

Разбуженному экстренными сборами управляющему я ничего не сказал, просто поставил в известность, что мы уезжаем. Всё, что ему оставалось, – это удивлённо наблюдать за экстренной эвакуацией жильцов. К чести мамы и дедушки, они с полуслова поняли грозившую им опасность, поэтому, лишь однажды посетовав на то, что многое придётся оставить, молчаливо загрузились в парокар. Марта с ребёнком вообще не проронила ни слова, сказав, что доверяет мне полностью. Джон положил в багажник свои вещи и уселся за руль, когда я сказал, что не рискну вести машину с пассажирами.

– Куда, сэр? – лишь спросил он, выезжая из ворот поместья.

– Квартал ремесленников, наш старый дом.

Час поездки – и я быстро выкопал два припасённых РС-100, а также аниматрон Кукольника, ожидающий своего часа. Конечно, пришлось вскрыть все заначки с деньгами, поскольку они больше не были мне нужны, лучше эти деньги отдам вынужденным беженцам, которых сорвал с места своим поступком. Извозившись в земле и грязи, я наконец вернулся в машину, назвав следующий адрес.

– Это же военный аэродром, сэр, – удивился Джон.

– Да, а где ещё мы угоним дирижабль? – я пожал плечами, вызвав у него ступор.

– Сэр, вы уверены? Это государственное преступление, – хоть он и спорил, но машину вёл уверенно, видимо, решив, что не слушаться меня хуже.

– Я не принуждаю, – тем не менее я решил предложить ему выбор, – довезёшь нас туда, избавишься от машины, и я дам тебе достаточно денег для беззаботной жизни дальше.

– Подумаю, – он благодарно кивнул.

Всё время до аэродрома все внутри парокара молчали, хотя я видел по глазам мамы и Марты, что у них было, что у меня спросить.

До рассвета оставалось всего ничего, когда мы прибыли на место. Густой туман разливался по долине, закрывая обзор и не позволяя видеть ничего дальше десяти метров.

– Отличная погода, – обрадовался я, выходя из парокара и помогая родным переносить вещи, ближе к проходной, где сразу насторожились дежурные солдаты, услышавшие шум.

– Сэр Рэджинальд, – Джон помог нам с вещами, затем остановился рядом со мной, – я не могу всё бросить, у меня тоже есть родные.

– Без проблем, – я протянул ему небольшой кожаный мешочек, битком забитый монетами по сто гиней, – спасибо за службу и помощь.

– Рад был знакомству, сэр, – он без раздумий взял то, что заслужил, затем, пожав мне руку, сел в автомобиль и, фыркнув паром, уехал прочь.

– Кто вы и что вам нужно? Это военный объект, – пока я разговаривал с Джоном, прибывших со мной окружил вооружённый патруль.

Я походя лишь одним движением руки опустошил их души ровно на тот объём, который вызывает шок и беспамятство, но не убивает. На шокированные взгляды родных пришлось ответить, сказав, что они все живы, я не садист, чтобы сеять кругом лишь смерть. Они слегка успокоились, но всё же то тут то там лежащие тела пугали их. Пришлось каждый раз заверять, что с ними всё в порядке, просто побудут без сознания какое-то время.

Я целеустремлённо вёл родных сначала по помещениям и казармам, затем через поле, где, как я знал, всегда дежурит посыльный дирижабль, готовый в любой момент сорваться по приказу командования в путь.

– Кто вы, что вы тут делаете? – солдаты охраны едва успели задать вопрос, как тут же легли на холодную, влажную траву, прямо рядом с открытым входом.

Матрос дирижабля не успел даже испугаться, как я приказал ему выйти и убрать трос с причальной мачты, чтобы взлёт прошёл гладко. Он попытался достать оружие, но демонстративно надетые ярко-синие перчатки антианиманта убавили его пыл. Я молча забрал и выкинул его оружие.

То же произошло и с остальным экипажем, а его составляли всего два человека, поскольку скоростной дирижабль был небольшого размера, так что, появившись в рубке, я уведомил капитана, что на время судно поступает в моё распоряжение, и, если они будут сотрудничать, никто не пострадает. Одного взгляда на мои перчатки и видимые из кабины неподвижно лежащие на земле тела солдат охраны хватило, чтобы примирить его с этим фактом.

– Куда вы хотите лететь? – поинтересовался он, когда мы взлетели и стали набирать высоту.

Я молча показал точку на его карте.

– Мы не долетим, не хватит энергии в накопителях, – сразу категорично заявил он.

Занеся в кабину один из кожаных мешков, я вытряхнул оттуда припасённые накопители РС-100.

– А с этим?

Он с сожалением посмотрел на их полный заряд и бросил через плечо:

– Энтони, поставь эрэски в пустые слоты.

Мне пришлось последовать за матросом и проконтролировать, чтобы он выполнил распоряжение верно, вернувшись с ним обратно в кабину.

– Не хочу, чтобы на борту произошло непоправимое, – заметил я, обращаясь к оставшимся двум членам экипажа, при этом устало опускаясь на одно из пустых кресел, – поэтому, пожалуйста, оставайтесь оба в кабине под присмотром, если что нужно сделать по механизмам корабля, я сопровожу вас до нужного места. Повторюсь, неприятности мне не нужны.

– Нам тоже, – заверил меня капитан, и по его спокойной, целостной ауре я понял, что он сейчас не врал, что немного успокоило.

Три дня полёта в выбранном мной направлении, и вот ночью мы выгружаемся недалеко от небольшого приграничного городка, расположенного недалеко от прифронтовой полосы. Сгрузив все вещи, я извинился перед капитаном, и члены команды, не веря тому, что их отпустили, быстро стали поднимать летающий аппарат в воздух.

– Они ведь нас выдадут, – спросил у меня дедушка, провожая взлетающий дирижабль взглядом.

– Что ты предлагаешь, убить их? – поинтересовался я в ответ, на что мама и Марта тут же набросились на старика, говоря, как он мог о таком даже подумать. На словах я, конечно же, поддерживал их – при этом переживая в душе, что оставил на душах улетевших людей метки со своей видоизменённой аурой, которая была ядовитой настолько, что буквально через полчаса

убьёт их, отправив дирижабль в неконтролируемое путешествие. Сказать об этом родным я, конечно, не мог, поскольку видел их реакцию на вопрос бабушки.

– Что дальше? – поинтересовалась у меня мама, – и может, расскажешь наконец, из-за чего вся эта суета?

Пришлось кратко пересказать всё что случилось, а также отметить, что, если меня поймут и поместят в тюрьму, они станут главными заложниками, чтобы тайная полиция могла влиять на мои действия и поступки. Это произвело на них впечатление, и они согласились, что попытаться скрыться в приграничном районе было неплохим вариантом. К тому же я объяснил, что не пойду с ними, чтобы не привлекать к группе внимания. На первое время они пусть останутся в гостинице, а потом, сказавшись беженцами, пусть ищут дом на постой, представившись другими именами. Если несколько месяцев к ним не будет внимания полиции, пусть покупают дом и живут здесь, пока я не вернусь обратно. Бабушка при этих словах внимательно на меня посмотрела, но я не отвёл взгляда, хотя сам не был уверен в том, что смогу вернуться. Однако данное Анне слово никуда не делось, а, прислав мне часть моего подарка, она явно давала понять, что ей требуется помощь.

Отдав почти все деньги, я помог им найти повозку, хозяин которой согласился довезти беженцев до ближайшего постоя. Обнявшись и попрощавшись с родными, я зашагал в сторону фронта.

Глава 3

Майор Сорес Рамфи, чертыхаясь и ругая дежурного, который разбудил его среди ночи, быстро ополоснул лицо над тазом из протянутого дворецким кувшина с водой и, одеваясь на ходу, вышел из дома. Внизу уже ждал парокар Сената вместе с незнакомым водителем.

– Доброй ночи, гражданин, – поприветствовал его тот, на что майор лишь кивнул.

Автомобиль тронулся с места, быстро набирая ход и выезжая на улицу Сент-Антуан, по которой до де Риволи и здания Сената можно было по ночному городу доехать за двадцать минут.

– Подробностей вам не сообщили? – поинтересовался он, смотря, как мелькают тусклые огни газовых фонарей, освещающих одну из центральных дорог города.

– Нет, майор, – водитель пожал плечами, – в гараж поступил приказ привезти вас, запрос от комиссии по контролю за душеприказчиками.

Рамфи покачал головой, не понимая, что такого срочного могло понадобиться среди ночи, ведь он только вчера сдал отчёт об устранении очередного имперского антианиманта.

Парокар, скрипнув тормозами, остановился возле гигантского здания Сената, в котором даже в эту ночную пору горело множество окон.

– Благодарю вас, гражданин, – попрощался он с водителем и зашагал вверх по мраморной лестнице с каменными изваяниями львов по бокам.

Когда-то давно это здание было дворцом короля, который скоропостижно скончался, не оставив после себя наследников. Разгорелась гражданская война, продлившаяся десяток лет, пока наконец уставшие от всего простые люди не вышли с оружием на баррикады, сметая всех, кто претендовал на власть. Полетело много голов аристократов, и кровь нации здорово обновилась за счет того, что на многие государственные посты пришли новые люди. Революционеры, поэты, шахтеры, даже пара артистов было поначалу у власти. Со временем это всё утряслось, и на высокие посты стали назначать специальные комиссии, которые анализировали каждую кандидатуру в отдельности и принимали решение в зависимости от того, чего достиг человек раньше. Это было закреплено в Конституции, но, к сожалению, и это майор знал по себе, сейчас многое решали связи. Связи и деньги – вот что сейчас было главным в республике, и идеи первых отцов-революционеров стали медленно, но верно размываться. Особенно если дело касалось душеприказчиков, стоявших на отдельном счету в государстве.

Мысли о текущем положении дел в стране промелькнули у него при взгляде на потемневших мраморных львов, которых не чистили и не мыли, похоже, с лета, и, бодро избежав до самого верха, он показал пропуск дежурному патрулю у входа. Старший офицер знал его лично, но всё равно тщательно сверил номер пропуска с указанными в журнале, определяя, кому разрешён вход в Сенат. Кивнув, Рамфи сунул пропуск в карман кителя, вошёл внутрь и повернул в левый коридор, чтобы подняться на третий этаж, поскольку ему нужен был триста тридцатый кабинет.

– Доброй ночи, Эдвард, – открыв нужную дверь, он без удивления увидел человека, который, похоже, тут и жил. На своей памяти майор лишь два раза видел его на официальных мероприятиях вне этих стен, в остальных же девяноста процентах случаев все встречи проходили только в его кабинете.

– Доброй, Рамфи, – худощавый, затянутый в официальный мундир сенатского служащего, тот сверкнул половинками стёкол очков, – думаю, для тебя особо.

– М-м-м? Да? – майор особого карательного отряда республики устало упал на единственное кресло в кабинете, – что такого могло случиться, что ты поднял меня среди ночи?

– Прочитай, – глава комиссии протянул ему кусок телеграфной ленты.

Собеседник принял её и вчитался в краткие предложения.

– Наверно, очередная шутка, – вернул он телеграмму, пожав плечами, – сколько таких уже было.

– Согласен, поэтому я сделал повторный запрос, – хмыкнул Эдвард, протянув новый обрывок ленты.

Глаза майора стали расширяться, едва он дочитал его до конца. Остатки сна вылетели из головы, и он подскочил с места, бросив взгляд на календарь.

– Блять, как это не вовремя! Уже ведь четыре месяца прошло!

– Да, и вот именно поэтому, прежде чем посылать тебя туда, я и хотел поинтересоваться состоянием шлюхи Лютоглаза.

– Какое состояние, Эдвард, ты смеёшься? – майор ругнулся снова. – Как только ты сказал, что операцию по поимке на живца мы схлопываем, я отдал её в комиссию по правде. Прошла неделя, как сам думаешь, что от неё там осталось целого?

Глава комиссии скривился.

– Но хотя бы состояние можно узнать?

Майор молча встал с места и подошёл к аппарату телеграфа. Настроив нужные цифры передатчика, он сделал короткий запрос.

– Можешь угостить меня чаем, это надолго, если они вообще не спят, – он вернулся на своё место.

Эдвард хмыкнул, но, выглянув в коридор, подозвал административного служащего, ответственного за обслуживание их этажа, и высказал просьбу. Тот, молча кивнув, сказал, что будет через пару минут, и правда, уже скоро, гремя столиком с разболтанными колёсиками, он появился в кабинете, оставив им чайник, две чашки и небольшую вазочку с печеньем.

Налив себе и военному крепкого чая, служащий вернулся на своё место и, запивая напитком вкусное печенье, они молча сидели, пока не заработал телеграф, выплёвывая из внутренних ностей ленту с пропечатанными на ней буквами.

Рамфи, отставив чашку, поднялся и подошёл к столу, оборвав ленту, вчитался в мелкий шрифт. Скривившись, он передал её Эдварду. Тот, ознакомившись, поднял на него взгляд.

– Если это окажется действительно он, тогда тебе придется его устранить.

– Не получится, – майор пожал плечами, – согласно директиве №5.6 Сената, если я могу захватить Жнеца живым, то обязан буду представить его комиссии по контролю за душами, а она, насколько я помню, выше вас по иерархии.

– Это если сможете, – недовольно нахмурился служащий.

– Эдвард, съездите за ним сами, – майор пожал плечами, – пристрелите там его хоть по пути назад, хоть на глазах у всех, только меня на это не подписывайте, я ещё жить хочу. Могу даже оружие вам дать.

Собеседник нахмурился и вернулся на своё место, сел за стол и обхватил голову.

– Может, тогда её убить? И концы в воду.

– Если его оставят в живых, а судя по тому, что происходит сейчас на фронтах, в этом нет никаких сомнений, он начнёт копать и наверняка сможет узнать, что она была ещё жива на момент его появления здесь. Дальше события будут развиваться по непредсказуемому сценарию.

– В том виде, что она сейчас, шлюха точно далека от того человека, каким он её знал, – возразил ему Эдвард, – хотя ты прав, второй вариант худший из возможных, о лояльности Жнеца можно будет забыть. А вот если представить так, что империя отказалась её выкупить, хотя мы предлагали, ситуация сразу становится интересной.

– Это ваши интриги, Эдвард, моё дело – доставить того, кто назвался Жнецом, – военный пожал плечами.

– Хорошо, я ещё обдумую своё решение, а тебе пора в путь. Дирижабль уже на площадке, как и твои люди.

– Тогда до встречи, – Рамфи пожал протянутую руку и направился к выходу.

Далеко ходить не нужно было, недалеко от здания Сената была взлётная площадка, на которой и правда оказался небольшой курьерский сигарообразный дирижабль, возле которого, переминаясь с ноги на ногу от предрассветного холодного ветра, курили Холаф, Джон и Роберт.

– Привет, босс, – они обменялись рукопожатиями, и ему протянули сигарету. Он поблагодарил и, подкурив от протянутой зажигалки, сделал глубокую затяжку.

– Очередной самоубийца? – поинтересовался его заместитель. – Решивший выдать себя за Жнеца?

– Боюсь, что в этот раз сдался либо очень сильный антианимант, либо он сам, – майор, сделав пару глубоких затяжек, потушил о землю недокуренную сигарету и сложил окурки в специальную жестяную коробку, которую всегда носил с собой. Его подчинённые проделали то же самое, затем по одному забрались в открытый люк летательного аппарата. Дорога предстояла долгая, можно было доспать упущенное.

Идя по извилистым тоннелям окопов, майор Сорес внезапно поймал себя на мысли, что волнуется. Сердце заколотилось, ладони вспотели, а сам он принялся ловить взглядом любого, попадавшего навстречу. Охота за Жнецом была долгая, кропотливая, и очень хотелось поставить галочку в списке имперских антианимантов, которых он поймал или устранил. Его встречал на входе в офицерский блиндаж заместитель командира полка. Который, радостно представившись, облегчённо тряс ему руку.

– Как хорошо, что вы прибыли, майор, – частил он, – забирайте его скорее от нас, пока все кругом тут медвежьей болезнью не заболели, и так на три дня сорвали сроки наступления.

– У вас все настолько трусливые? – хмыкнул Рамфи, но капитан не попался на подначку, лишь отрицательно покачав головой.

Вместо того чтобы возмущаться или спорить, он, испуганно посмотрев в сторону блиндажа, прошептал.

– Как его увидите, сами всё поймёте.

Волнение стало нарастать, и в прикрытую дверь, которую охраняли два вооружённых бойца, с таким видом, словно их завтра расстреляют, он вошёл внутрь.

– Мистер Рэджинальд, заверяю вас, сопровождающий скоро прибудет, – услышал майор, едва вошёл в натопленное помещение, где находилось два ряда кроватей, большой штабной стол с закрытой картой, а также стол и четыре стула. На одном сидел лицом к нему пожилой майор, а на втором спиной неизвестный человек.

– Ну вот, я же говорил, – командир полка подскочил и радостно побежал встречать Рамфи.

«Что они стелются перед ним», – мелькнула в голове брезгливая мысль, которая, пискнув от страха, сразу же забилась в дальний уголок мозга, едва второй человек поднялся с места и повернулся к нему лицом.

Майор Сорес за свою жизнь видел много разных взглядов, да что уж говорить, он и сам был тем ещё живодёром, но вот то, как на него глянули стального цвета глаза, за секунду словно разрезав тело на слои, вынув душу и сложив всё обратно в произвольном порядке, произвело впечатление.

Молодой человек лет восемнадцати-двадцати, одетый в гражданское, с аккуратной причёской, был бы ничем не примечательным, если бы не две вещи. Синие перчатки на руках, а также тот самый ужасающий взгляд вивисектора, которым он его окатил при встрече, но даже без этого у Рамфи, словно бешеное, заколотилось сердце. Это, безусловно, был Рэджинальд ван Дир собственной персоной. Анна Билофф его слишком хорошо описала в поезде, чтобы можно было ошибиться.

Ужасный, неповторимый имперский душегуб, именем которого вот уже несколько лет пугали детей родители, а республиканские газеты называли его чуть ли не антихристом и поднявшимся с глубин ада сатаной. Изобретатель дирижаблей-собираателей, которые кружили над любым полем боя и собирали души так быстро, что республиканским душеприказчикам ничего не оставалось, кроме как бессильно разводить руками перед своим начальством. Жнец самым фактом своего существования ставил под сомнение всю известную науку о душах, вызывая ожесточённые споры в научных кругах. Его боялись, им восхищались, его боготворили некоторые сектанты, которые ему поклонялись, и вот он наконец самолично предстал перед майором.

Пару раз глубоко вздохнув, чтобы успокоить пульс, он незаметно вытер руку о брюки и протянул её навстречу.

– Специальный агент майор Сорес, выделен вам для сопровождения к Сенатской комиссии.

Молодой человек при звуках его имени вздрогнул, и дёрнувшаяся было рука снова опала.

– Это ведь вы убили майора Немальда? – голос собеседника оказался на удивление молодым.

Рамфи нахмурился, не понимая, откуда тому стала известна секретная информация.

– Не беспокойтесь, эти господа тут ни при чём, – Жнец кивнул в сторону командира полка и его заместителя, – у меня свои источники информации.

Майор нахмурился, опустил руку, которую не пожали, и затем кивнул своим людям, чтобы принесли специальные кандалы для транспортировки антианимантов.

– Это излишне, – когда двое военных осторожно подошли к нему ближе, Жнец недовольно нахмурился, видя тяжёлые железки.

– Мы не можем привести вас в сердце республики, не убедившись, что вы не представляете угрозы. – Рамфи, как и его помощники, потянулся к оружию.

Молодой человек недоумённо на них посмотрел и внезапно рассмеялся. Это насторожило всех, а Джон и Роберт сделали шаг назад.

– Похоже, вы не до конца понимаете, господа, с кем имеете дело, – отсмеявшись, Жнец холодно улыбнулся, – давайте я вам продемонстрирую одно из своих умений, иначе, думаю, мы не найдем с вами дальнейшего взаимопонимания.

Военные резко выхватили оружие, направляя его на Жнеца, но мгновенная слабость во всём теле сделала их руки и ноги ватными. Рамфи с затуманенным взором рухнул на пол, рядом попадали все, кто был в блиндаже. Жнец обошёл неподвижно лежащие тела и собрал оружие, затем поманил его пальцем к выходу. Почувствовав небольшой прилив сил, словно его окатили из стакана водой, майор поднялся и вышел на улицу.

Жнец, опершись ногами на неподвижно лежащее на дне окопа тело Роберта, поднялся на вершину бруствера.

«Он что, сумасшедший к тому же? Его ведь свои убьют», – вяло шевельнулась в голове Рамфи мысль.

– Поднимайтесь, это безопасно, – на незаданный вопрос он внезапно получил чёткий ответ.

Майор, преодолевая слабость, с трудом поднялся следом, с этой вышины открылся хороший вид как на свои позиции, так и на траншеи противника, а вот то, что он везде увидел, заставило его сжать зубы так, что он едва не прокусил себе язык.

Глава 4

– Я здесь нахожусь довольно продолжительное время, – спокойно прокомментировал Жнец вид десятка тысяч неподвижно лежащих на земле тел, – поэтому могу одним желанием умертвить всех, кто есть на этом участке фронта. Не знаю, сколько здесь, пятьдесят? Сто тысяч?

У майора похолодела спина, и он снова столкнулся со спокойным взглядом стоящего рядом с ним человека.

«А человека ли?» – после продемонстрированного майор уже не был так в себе уверен, как до этой встречи.

– Они не мертвы? – прохрипел он, поскольку с трудом разлепил губы из-за внезапно появившейся сухости во рту.

– Конечно, нет, я ведь не чудовище какое-то, – Жнец улыбнулся ему в ответ, но глаза его оставались при этом такими, что Рамфи сам закончил за него предложение.

«...но, в принципе, меня это не остановит, если будет нужно для дела».

– Хорошо, давайте вернёмся вниз и продолжим беседу, – Жнец легко прыгнул вниз и вошёл в блиндаж. Майор, хоть и с трудом, последовал за ним.

Едва он вошёл внутрь, как почувствовал, что силы полноводным потоком возвращаются к нему, как, впрочем, и ко всем, кто был с ними. Сам же Жнец сидел за столом, на прежнем месте, а перед ним лежало всё оружие, которое он забрал у присутствующих.

– Стоять! – майор рывком остановил подчинённых, которые в злости и от осознания того, что с ними произошло, бросились к оружию.

Нехотя те замерли на месте.

– Думаю, произошло небольшое недоразумение, – майор Сорес вернул себе чувство самообладания, – мы с мистером Рэджинальдом его разрешили, считаю, нам не пригодятся кандалы для его транспортировки.

– Но Рамфи! Инструкции! – подчинённые удивлённо посмотрели на командира, не понимая, почему тот передумал. Конечно, они же не видели того, что видел он, и, возможно, к лучшему, а то Жнеца он бы и не довёз до столицы, узнай они реальные его возможности, которые тот продемонстрировал ему одному.

– Майор, можно я воспользуюсь вашим телеграфом? – попросил он пришедшего в себя командира полка. Тот махнул рукой с обречённым видом, выделив ему сопровождающего.

Выйдя наружу, Рамфи хмуро наблюдал, как люди приходят в себя, недоумённо спрашивая друг у друга, что произошло и почему они очнулись, лёжа на полу в нелепых позах. Роберт, на спину которого наступал Жнец, болезненно морщился, прося солдата посмотреть, почему у него внезапно заболела спина.

Найдя телеграфиста, майор с его помощью сигнализировал о произошедшем, как мог, впихнув максимум информации в три коротких строчки. Ответ пришёл незамедлительно, и всего в нескольких словах.

– Доставить живым! Код два.

Это означало, что он и его подчинённые должны были незамедлительно доставить нужного человека, обеспечив ему такой уровень охраны, чтобы он при любой ситуации остался жив, даже если бы для этого потребовалось сложить свои жизни. Всего второй раз за свою службу он получал подобный приказ.

Кинув ленту в пепельницу, он сжёг её, затем, выругавшись и поблагодарив испуганно замершего солдата, вышел из палатки.

Первый вопрос, который задал Жнец, подписав все нужные бумаги с военными, был:

– Что с Анной? – К тому моменту майор отвёз его на станцию и усадил в купе с собой, а его подчинённые заняли два соседних.

Поскольку в нарушение всех инструкций и приказов антианимант ехал не связанным и не с укрытыми специальной плотной тканью руками, майор заколебался перед ответом, что не укрылось от собеседника.

– Майор, я узнаю правду, если меня не убьют, конечно, к этому времени, – спокойно сказал Жнец, у которого из вещей был с собой лишь небольшой походный саквояж.

Рамфи вспомнил свои слова, которые произнёс перед Эдвардом, и нехотя ответил:

– Поскольку вас долго не было, её отдали палачам.

– Она жива? – голос спрашивающего был ровен.

– Пока да, я остановил их, едва узнал, что вы решили сдаться.

– Насколько она цела? – а вот уже следующий вопрос был задан хриплым голосом.

– Трудно сказать, я сам не видел, но обычно после комиссии по правде от людей мало что остаётся, – майор честно посмотрел на сидящего рядом молодого человека.

Тот, всмотревшись в него, вздрогнул, но промолчал, в таком состоянии находясь всю дорогу. Сам Рамфи, любящий поболтать с пленниками, пытаясь вытянуть из них интересные сведения, с этим пассажиром не стал рисковать и также молчал, просто радуясь тому факту, что тот не выкидывает никакие фортели.

«Четыре дня, и я сдам его жандармерии, – Рафми повернулся и стал смотреть в окно, – дальше это будут не мои проблемы».

Прибывший на конечную станцию поезд просвистел об остановке, и я, получив сигнал от охранявшего меня майора, поднял саквояж и направился в сторону выхода.

Сам вагон, как и вокзал, были оцеплены людьми в одинаковой тёмно-синей форме, так что я мало что разглядел из местных достопримечательностей, пока меня вели под усиленной охраной к закрытому фургону. Всё, что я успел увидеть, – это серое, безликое здание вокзала и оцепление полиции, которая несколькими кругами охраняла поезд.

Прямо рядом с фургоном нас ожидало десять вооружённых полицейских, сразу нацеливших на меня оружие, а также подтянутый человек в странного покроя сером сюртуке.

– Рамфи, почему задержанный без кандалов? – сразу поинтересовался он, поджав губы.

– Я его доставил в целостности и сохранности, – военный не моргнул и глазом, – теперь это твоя головная боль, Эдвард, можешь сам его заковать.

При этом майор посмотрел на меня, я на него, и мы обменялись улыбками. Тот, кого называли Эдвардом, увидел наше молчаливое переглядывание, которое его взбесило, и он махнул охране. Двадцать человек отделились от оцепления и приблизились к нам, неся знакомые мне стальные железки, которые я уже видел недавно в блиндаже на фронте.

За то время, пока поезд ожидал у станции встречающих, я успел подготовиться, дотянувшись сначала до первого человека, затем до второго и так далее, так что все вокруг имели по паре присосавшихся к их душам отростков моей ауры. Так что я улыбнулся, ожидая, как ко мне подойдут полицейские, кончиком туфли проведя черту на бетонном полу платформы. За моими действиями с любопытством наблюдали все. Полицейские остановились, не смея подойти ближе, и только угрозы человека в сером заставили их сделать два шага и пересечь невидимую черту. Все, кто заступил за неё, тут же упали на землю, мгновенно сложившись, словно этажи карточного домика.

Тут же послышались щелчки снятия оружия с предохранителей.

– Ладно, развлекайтесь, я свою работу сделал, – Рамфи в полной тишине помахал мне рукой и направился к выходу.

– Майор Сорес! – окрик человека в сюртуке его остановил, и он недовольно повернулся. Тот пошёл ему навстречу и говорил так тихо, что мне не было слышно. Видимо, майору не

нравилось то, что он слышал, поскольку с каждой минутой его настроение портилось. По итогу, он со поджатыми от злости губами вернулся обратно.

На вокзале тем временем появились новые действующие лица в чёрных одеждах, которые моментально привлекли к себе внимание всех. Полицейские раздвинули цепь, чтобы они могли беспрепятственно пройти, и те важно прошествовали к нам. Моим огромным удивлением стало то, что у каждого – у каждого! – было либо пенсне, либо очки, либо монокль с огромной вставкой из паинита.

«Видимо, местные ремесленники», – понял я по этому явному опознавательному знаку.

Правда, до нас они так и не дошли, стоило им только взглянуть на меня и всё вокруг через паинит, как они, мгновенно потеряв былую спесь, бросились прочь на безопасное расстояние.

– Чего это с ними? – удивлённо обратился ко мне Рамфи, которому я невольно начал симпатизировать как единственному адекватному здесь человеку.

– Думаю, увидели, что каждый здесь присутствующий находится под моим контролем, – я пожал плечами, – доказывая этим, что хотя бы не зря носят свои очки.

– Майор Сорес, – человек в сером сюртуке обратился к моему сопровождающему, – приказываю доставить задержанного в Бастилию, к месту его дальнейшего содержания.

– Слушаюсь, гражданин Нойл, – отковырял ему Рамфи и показал мне рукой в сторону стоявшего фургона. Я молча последовал за ним.

Глава комиссии по контролю за душами молчаливо наблюдал, как подчинённые, трусливо поджав хвосты, убегают прочь с территории, которая была, словно паучьей сетью, окутана мощной и плотной аурой прибывшего Жнеца. Он всё внимательно рассматривал через небольшой монокль, запоминая всё, что видел.

– Что скажешь, Габриэль? – обратился к нему сидящий напротив глава комиссии по правде. – Я специально попросил тебя приехать сюда со мной лично, чтобы из первых рук узнать, стоит вообще Жнец наших усилий и траты времени или нет?

Старик убрал от глаз монокль и покачал головой.

– Вы обезумели, Пауль, притащив прямо в столицу этого монстра. Я не спорю, что был прав тот, кто хотел с ним поработать, поскольку ты лучше меня знаешь, что наука о душах у нас развита хуже, чем в империи, несмотря на то, что у нас количественно больше душеприказчиков, чем у них. Но вот что я тебе скажу сейчас, после того как увидел его. Пускать это чудовище в здание Сената опасно, он может убить всех, кто там находится, и мы ничего ему не сможем сделать.

– Всё так серьёзно? – нахмурился собеседник.

– Более чем, – старик показал рукой на оцепление, растянувшееся на сотни метров, – все они были бы трупами, захоти он этого. Отростки его ауры присосались к каждой душе, к каждому человеку, а посмотрев, как солдаты падали, мгновенно лишаясь двух третей своей ёмкости ауры, я более чем уверен, что то же самое произошло со всеми вокруг.

– Похоже, слухи о Жнеце не были таким уж слухами, – Пауль поджал губы, – у меня много информации о нём, в том числе и от тех, кто был с ним лично знаком. Все говорят о том, что он в обычной жизни простой человек, но это заканчивается ровно на том моменте, когда речь заходит об искусстве, они признают, что он гений в своём роде, о котором с восхищением отзывается все, кто с ним работал.

– Так что, Пауль, видимо, я буду голосовать за его устранение, – признался глава комиссии по контролю за душами, – никто из моих душеприказчиков, и я в том числе, не сможет его остановить, если он взбунтуется.

– Но ты же понимаешь, что из-за его изобретения мы сейчас терпим колоссальные убытки. Количество поступающей энергии в войну, которую мы сами и начали, чтобы наполнить опустошённые резервы, стало практически нулевым. Никакие налоги не перекроют эти

затраты. Да что я говорю, ты сам участвуешь в заседании этого оперативного штаба. Ещё пол-года-год таких действий, и нам придётся капитулировать. Ты этого хочешь?

Габриэль задумчиво почесал висок моноклем.

– Как мы его будем контролировать? – задал он единственный вопрос после минуты молчания.

– Дадим ему всё, что он хочет, благо шлюха жива до сих пор, пусть и находится в не совсем кондиционном состоянии.

– Всё? – удивился старик.

– По моим сведениям, он весьма скромный молодой человек: лаборатория, хороший механик, пара красивых служанок, постоянный приток материала – вот и всё, что ему нужно для жизни.

– Хм, я подумаю, Пауль, – засомневался над своим решением старик, – если всё так, как ты говоришь, я не против работать с ним. Повторюсь. В том, что он вдохнёт в нашу науку новую жизнь, я нисколько не сомневаюсь, дело только в контроле над монстром. Только я никак не пойму, чего вы с Жаклин так о нём печётесь? Личный интерес?

– Безусловно, – не стал скрывать от него собеседник, хоть и не говоря всей правды, – нам стало известно, что он может воздействовать на неизвлекаемые души.

– Ты это серьёзно? – изумился Габриэль. – Это ведь считается невозможным.

– Как ты сам только что правильно сказал, многое, что касается этого молодого человека, казалось невозможным.

– У нас, насколько я помню, двадцать три процента населения с неизвлекаемыми душами, – пожевал губы старик, – если нам с его помощью удастся заполучить к ним доступ, за такое Сенат ему жопу целовать будет, не говоря уже о лаборатории и прочем.

Он помолчал и затем протянул руку, которую быстро пожали.

– Если введёте меня с Жаклин в долю, я присоединюсь к вашей коалиции.

– Габриэль, вот наше предложение, – ему протянули запечатанный конверт, который он положил во внутренний карман, – мы не требуем немедленного ответа.

– Я посмотрю и дам ответ до конца недели.

– Большого и не прошу, – собеседник нажал кнопку, чтобы водитель вернулся в машину.

Глава 5

Пока меня везли по городу, через небольшое окошко с решётками мало что было видно, да и, честно говоря, не очень хотелось. Настроение было никаким, поскольку хотелось увидеть Анну, но мои вопросы на эту тему упирались в глухую стену молчания. Пришлось смириться и сильно не возникать, и так я раздумывал над тем, правильно ли поступал, когда вёл себя так вызывающе и нагло. Если вначале просто хотел проверить реакцию на границы своей свободы, то теперь пришло понимание, что чем более явно я показываю своё превосходство перед ремесленниками республики, тем больше шансов на то, что со мной будут разговаривать. Так что выбранная линия поведения оказалась неожиданно верной, и был большой шанс вскоре встретиться с Анной.

Спустя пару часов фургон остановился, но остался стоять ещё полчаса, пока дверь не открылась и внутрь не заглянул майор Сорес.

– Прошу, – он показал на выход, – я осмотрелся, не хоромы, конечно, но вполне сносно для узника вашего статуса.

Я не стал опираться на предложенную руку и спустился сам, оглядевшись по сторонам. Высоченные кирпичные стены, прямоугольником окружавшие всё вокруг, и восемь башен, расположенных по периметру всей тюрьмы, были видны из небольшого внутреннего двора, где остановился фургон.

– Знакомьтесь, Бастилия, это Жнец. Жнец, это Бастилия, – странно пошутил майор и видя, что я не понял, махнул рукой, – хотели снести при революции, но оказалось слишком хорошее здание для содержания душеприказчиков, так что пришлось смириться, и теперь это вотчина комиссии по правде.

– Что это за комиссия? Второй раз слышу о ней, – поинтересовался я.

– Думаю, это не секрет, – сначала задумался он, затем ответил, – Сенат разделён на тринадцать комиссий, каждая из которых отвечает за свою область управления государством. Комиссия по правде отвечает за внутреннюю безопасность, жандармерию и, как следует из названия, выяснение правды.

– Ясно, спасибо, – я чуть склонил голову, позволяя ему взять у меня саквояж.

– Покажу вашим тюремщикам, что в нём нет ничего опасного, и верну, – заверил меня он.

– Не повредите прибор, за него всем, кто будет к этому причастен, оторвут голову.

– Не беспокойтесь, это я понял ещё в прошлый раз.

Четыре тюремщика, души которых явно были неизвлекаемыми, поскольку я попытался до них «дотронуться», без особой опаски повели меня внутрь. Сначала был тщательный, но аккуратный обыск, затем меня заставили раздеться и выдали серую робу. Коробку с камнем я им не отдал, просто усмехнулся при попытке взять её у меня из рук.

Видимо, какие-то инструкции у них всё же были, так что видя, что, кроме этого, я им не препятствую, тюремщики отступились. Закончив со всем, они опечатали мои вещи, положив их в железную коробку, закрыли её при мне на ключ с биркой за номером сорок восемь, затем повели наверх, по каменным лестницам, оставив в угловой камере с двумя узкими окошками, находящимися выше моего роста.

Едва дверь за ними захлопнулась, я смог спокойно вздохнуть и осмотреться. Майор оказался прав, скромно, ничего лишнего, но тем не менее чисто и удобно. Кровать, прикреплённая к полу, с тонким матрасом и комплектом постельного белья на нём, а также совсем небольшая подушка, которая была столь тонкой и невесомой, так что я мог удержать её на одном мизинце. Рядом с кроватью находился стол с выщербленной столешницей и одинокий расшатанный стул, задвинутый внутрь. В углу камеры находился умывальник и закрытое ведро с понятным назначением.

Положив коробку с камнем на стол, я заправил кровать и лёг, прикрыв глаза.

Утром меня разбудил осторожный стук в дверь. Вскинувшись, я испуганно посмотрел на стол, где вчера оставил камень, но так и заснул, едва закрыл глаза. Протянув руку, я забрал коробку, прижав к себе, только после этого опустил ноги с кровати.

Внутрь зашла женщина лет сорока, с весьма выдающейся внешностью. Ухоженная, красивая, явно в дорогом платье. Она несла с собой поднос, на котором дымились две чашки чая, рядом с ними примостилась тарелка, полная бутербродов с сыром и колбасой.

– Доброе утро, Рэджинальд, – поздоровалась женщина, заходя в камеру и протягивая мне одурманивающе пахнущую еду. Хлеб был таким свежим, что аромат повис с воздухе, пока она сервировала стол, усевшись на единственный свободный стул, а мне подвинула поднос с чашкой и двумя бутербродами.

– С твоего позволения я тоже поем, с утра пришлось рано вставать, маковой росинки не смогла перехватить, – с этими словами она впиалась красивыми белыми зубками в свой кусочек хлеба. Мне пришлось последовать за ней, поскольку живот недовольным урчанием напомнил о себе и о том, что перекусить будет отличной идеей.

Так мы молча и завтракали, заинтересованно наблюдая друг за другом. Покончив со своим бутербродом, она аккуратно промокнула губы салфеткой.

– Давай познакомимся, меня зовут Жаклин де Брюи, я глава комиссии по труду.

– Рэджинальд ван Дир, – я, застигнутый врасплох с едой во рту, быстро пробубнил в ответ своё имя.

– Очень приятно наконец познакомиться с такой выдающейся личностью, – она аккуратно протянула мне ладонь, которую я пожал свободной рукой.

Она недоверчиво посмотрела на ладонь.

– Мой сын с ума сойдет, – улыбнулась она, показав руку, – он твой фанат.

– Фанат врага, убивающих солдат республики? – удивился я.

– Это звучит невероятно, Рэджинальд, но, похоже, мы переборщили с твоей демонизацией среди нашего народа, – она виновато пожала плечами, – теперь большая часть тебя боится до дрожи в коленках, другая, как мой сын, ищет любую информацию о твоих успехах.

– По моим тюремщикам не было видно, что они испуганы, – я качнул головой в сторону двери.

– Так это от того, что никто не знает, кого привезли в Бастилию, леттр де каше полезная вещь в определённых случаях. Годилась для короля, пригодилась и нам. Сейчас для всех, кроме избранных, ты просто VIP-заключённый номер сорок восемь.

– И вы пришли рассказать о моей дальнейшей судьбе? – предположил я.

– Договориться, – твёрдо ответила она, мгновенно став серьёзной.

– Я слушаю.

– Ты не совсем понял, – она встала со стула и заходила по камере, – договориться со мной и той коалицией в Сенате, что я представляю.

– Вообще не понимаю вас, – признался я.

Она досадливо закусил губку и вернувшись, опустилась рядом со мной. Меня сразу окутал чарующий аромат её парфюма. Знакомый запах роз с чем-то древесным.

– Не стану тогда лукавить и ходить вокруг да около, сегодня будет решаться твоя судьба на пленарном заседании всех комиссий. Большая часть за твоё физическое устранение, поскольку ты представляешь угрозу для нас и государства в целом, но вот я и ещё несколько человек против этого, поскольку хотим, чтобы ты приносил нам пользу. Мы готовы дать тебе всё, что ты хочешь, только чтобы ты дальше продолжал свои исследования и делился ими с нами.

– Вы дадите мне лабораторию и всё нужное? – удивился я. – Зачем это вам?

– Как бы кто к тебе ни относился среди нас, Рэджинальд, но никто не отрицает того факта, что ты выдающийся душеприказчик, – она пожала плечами, – у нас нет информации о так называемых исповедниках империи, но то, что есть на тебя, однозначно говорит о том, что тебе есть чем нам помочь. Именно поэтому я против твоего умерщвления.

– А вы не задумывались о том, что, если я умру, может произойти нечто печальное для этого города? – поинтересовался я. – Ведь я не дурак, чтобы лезть в пасть к голодному льву, не сделав ничего для своей безопасности.

– С этого места поподробнее, – глаза её сузились.

– Ну, пока рано делиться сутью моих умений с вами, но пока я находился на фронте и вокзале, а затем ехал сюда, в душу каждого человека, который со мной контактировал, я вложил частичку своей ауры, настроенной на противорезонанс, так что, если я умру и моя душа разлетится на мельчайшие осколки, все они начнут резонировать с душой носителя, что приведёт к его довольно быстрой и мучительной смерти.

– И как много таких людей? – холодно поинтересовалась она, – я теперь тоже «заражена»?

– Конечно, – я спокойно пожал плечами, – я настроил это таким образом, что это происходит само по себе, и, что для вас более важно, так это то, что частички моей души постоянно делятся, подпитываясь аурой владельцев, и могут оседать на душах тех, с кем контактировали их владельцы.

Глаза её расширились.

– Весь город может быть инфицирован! Вся страна!

– Именно! Это и есть моя страховка на тот случай, если от меня захотят избавиться. Можете позвать своих ремесленников, или, как вы их тут называете, душеприказчиков, чтобы в этом убедиться.

Она мне не поверила, отправилась на выход и отсутствовала час. По возвращении и следа от бывлой приветливости в ней не осталось.

– Да мы сгноим тебя в таком месте, что ты руки мне целовать будешь за то, чтобы тебя вернули в такие тепличные условия! – красивое лицо исказилось от гримасы, и она накинута на меня. – Ты будешь жить всё это время и молить о смерти, которую тебе никто не предоставит!

– Тогда вам нужно поспешить, – я спокойно развёл руками, – время идёт, и с каждой минутой количество инфицированных моей душой становится всё больше. Если же вы не собираетесь осуществить свои угрозы, то, боюсь, через год-другой все люди на этой планете могут умереть при моей смерти.

Женщина взбесилась ещё больше и бросилась вон, оставив меня одного. Я лишь улыбнулся. Мой последний, самый грандиозный проект, которым я занимался в заточении в замке тайной полиции, чтобы подстраховать себя при сдаче в плен, работал. Я, находясь в камере, чувствовал и ощущал каждую частичку души, находившуюся вне меня, и их с каждой секундой становилось всё больше и больше, что не могло не радовать.

Три дня ничего не происходило, ко мне никто не приходил, лишь стражники, которые стали чересчур предупредительными и вежливыми, подавали мне по одинаковому расписанию еду и выносили ведро с испражнениями.

Ещё через пару дней я услышал шум за стенами Бастилии, да такой, что не услышать его было невозможно. Приставив стул к одному из окон, я поднялся на цыпочки, но и то едва смог увидеть край реки и огромное количество людей, которые, видимо, стекались к моей тюрьме. К вечеру шум стал таким, что было трудно засыпать после ужина.

Ночью звук открываемой двери разбудил меня, и я открыл глаза, но сразу их зажмурил, поскольку внутрь внесли яркий газовый фонарь. Напротив моей кровати замер мужчина лет пятидесяти, одетый в республиканскую военную форму.

– Доброй ночи, простите, что так поздно, сэр.

– Ничего страшного, я всё понимаю, – я опустил ноги на пол и, протерев глаза, посмотрел на собеседника.

Умные глаза, подтянутая фигура, седина на висках – вот было первое моё впечатление.

– Начну, пожалуй, с извинений за свою коллегу, Жаклин хороший человек, но, как все женщины, бывает иногда излишне эмоциональной.

Он не собирался присаживаться, лишь оперся о стол.

– Я не виню её, обстоятельства были не из лучших.

– Соглашусь с вами, поэтому я начну с другого. Пойдёмте за мной.

Мужчина качнул фонарём, показывая мне на дверь. Я поднялся и без слов пошёл следом.

– Только обещайте, что будете держать себя в руках, мистер Рэджинальд, – говорил он на ходу, – я на многое пошёл, чтобы ваша встреча состоялась так быстро.

Сердце заколотилось, а руки внезапно вспотели.

– Если это о том, о чём я подумал, – с сухостью в горле произнёс я, – то обещаю быть предельно корректным.

– Отлично. Мне вас рекомендовали как порядочного человека, надеюсь, вы сдержите слово.

С этими словами он подошёл к крайней камере на этаже и отпёр дверь.

– Не волнуйтесь, никто не будет подсматривать или подслушивать вас, – обратился он ко мне, передавая фонарь, – я понимаю всю интимность момента и настроен вести с вами конструктивный диалог в будущем, а эта встреча – первый камешек в фундамент наших отношений.

Я молча взял из его рук светильник, и с холодеющей спиной сделал шаг вперёд. На кровати заворочалось нечто, что бросило меня в дрожь одним своим видом. Всюду, куда падали лучи фонаря, были лишь рубцы, уродливые шрамы и отсутствующие части тел.

– Кто там опять припёрся? – раздался знакомый хриплый голос, и я, не выдержав, бросился к кровати. Слёзы брызнули из глаз, и я закричал от горя и ненависти ко всему живому.

Глава 6

Это был обрубок человека – без ног, с одной рукой, без носа, ушей, губ, лишь с одним целым глазом. Я в слезах и отчаянии бросился к девушке, которую не любил, но относился как с самому близкому после мамы и бабушки человеку.

– Нет! Не смотри на меня! – Анна узнала меня, и единственный глаз завращался. – Рэджинальд! Отвернись! Не смотри!

Не слушая, я обнял её и, роняя слёзы на обезображенное лицо, стал целовать Анну, касаясь губами всех рубцов и шрамов. Слова девушки вскоре затихли, и по вздрагиванию тела я понял, что она тоже плачет.

Я не помнил, сколько времени прошло, но пришёл в себя, сидя на кровати, держа на коленях её голову и поглаживая пальцами кожу, напрочь лишённую волос.

– Теперь ты никогда не полюбишь меня, Рэджи, – посетовала Анна, обнимая меня единственной рукой, лишённой ногтей, со страшно изуродованными суставами пальцев.

– Прекрати, я всегда любил тебя, – я легонько шлёпнул её по руке, – как сестру, не как свою девушку, но всё равно это любовь, глупышка.

– А я мечтала, что однажды ты признаешься мне, – она замолчала, а из уголка глаза снова потекли слёзы, – теперь уже никогда этому не случиться.

Я промолчал, затем переключился на другие темы, расспрашивая её о том, как погиб майор Немальд, как её захватили в плен, и все те ужасы, которые ей пришлось пережить, пока она была в плену. Девушка нехотя, но рассказала обо всём, замыкаясь в тех случаях, когда описывала пытки. Пришлось настоять, и я узнал, что до того, как она превратилась в обезображенный кусок мяса, её долго и зверски насиловали палачи, меняясь по трое на протяжении нескольких часов. Открыв рот, она показала, что ей выбили все зубы, заменив их потом грубыми протезами. Которые позволяли жевать пищу, но при необходимости могли быть извлечены в любой момент.

– Ты ведь запомнила их всех? – тихо поинтересовался я, но, не рассчитывая на заверения сопровождающего, что нас не подслушивают, глазами показал Анне на дверь и прикрыл ей рот, но она понятливо кивнула и чуть сильнее сжала мою руку.

Прошло три часа, когда я понял, что пора идти на переговоры и требовать, чтобы с девушкой дальше обращались нормально и она всегда была рядом со мной. Поэтому, несмотря на её слёзы и крики, я встал и заверил, что это ненадолго и мне нужно будет обговорить с нашими пленителями дальнейшие планы, но, как только освобожусь, сразу вернусь к ней. Только после этого она пообещала вести себя как хорошая девочка.

Подойдя к двери, я громко постучал, давая время, чтобы к двери подошли и открыли её. За порогом оказался тот же человек, что и привёл меня сюда, поэтому я безропотно отправился за ним, отдав фонарь.

Вернувшись в камеру, я сел на кровать и, вытерев мокрые от слез глаза, обратился к мужчине:

– Я принимаю и ценю этот жест дружбы, давайте теперь поговорим о деле. Только прошу, говорите, пожалуйста, в ключе: вы мне, я вам. Если придём к взаимопониманию, мои умения и весь потенциал будут вашими.

– Отлично, торги – это то, в чём я мастер, – он легко улыбнулся и сел напротив меня, – но для начала вы можете убрать ваши частички душ с людей? Без этого договора не будет, вас многие слишком сильно боятся.

– Как только документ будет подписан на бумаге, ратифицирован Сенатом, я это сделаю, – не моргнув глазом соврал я, – до того момента это моя страховка от несчастных случаев.

– Понимаю, мне главное было получить от вас подтверждение, что это принципиально возможно.

– Ваши ремесленники не смогли этого сделать, как я понял? – поинтересовался я.

Мужчину мои слова насмешили.

– Я глава комиссии по правде, так что это не мои душеприказчики, но да, вы правы, многие жидко гадили все эти дни, пока окончательно не выяснилось, что никто не может извлечь закладки вашей души, не убив при этом самого человека.

– А что это за шум был тут недавно, когда огромная толпа собралась под стенами тюрьмы. Он досадливо поморщился.

– Один из тюремщиков узнал вас и разболтал своей жене, кто стал узником Бастилии, ну а дальше сами понимаете.

– Что они пришли требовать? Моей смерти? – поинтересовался я.

– В основном, но более просто хотели увидеть вас вживую, всё же государственная машина пропаганды эти несколько лет работала над вашим имиджем.

– Ясно, спасибо за ответы, – чуть поклонился я, – вернёмся к переговорам. Ваши инженеры и ремесленники оценили аниматрон, который я привёз с собой?

– Безусловно! – оживился собеседник. – Гениальное творение! Ваше?

– К счастью, нет, но я много сделал, чтобы его усовершенствовать, – с особым чувством произнёс я.

– Никто, правда, не смог его запустить в работу, видимо, по причине отсутствия важных деталей, но, думаю, это является ещё одной вашей страховкой?

– Да, их я тоже предоставлю после подписания договора.

Мы ещё долго обсуждали с ним условия, при которых мне готовы были оставить жизнь и предоставить частичную автономию, конечно же, под бдительным надзором жандармов, но главное, у нас не оставалось пунктов, по которым были бы противоречия, поскольку основное, что от меня требовалось, – это работать ремесленником на благо республики, поскольку, как я понял, о том, что я, кроме всего прочего, являюсь ещё и исповедником, они не были уведомлены.

– Как жаль, что вы ничего не знаете о исповедниках, – в конце разговора неожиданно для меня он затронул и эту тему, – их так плотно опекает тайная полиция в империи, что у нас нет достоверной информации ни об их численности, ни о составе, ни возможностях. Лишь предполагаем, что они сродни нашим элитным душеприказчикам, которые могут переселять души в механизмы.

– Я действующий исповедник империи, – при этих словах его глаза стали расширяться, – обладаю подобными знаниями, а также владею нужной техникой переселения.

Его рот открылся и закрылся. Он ошеломлённо на меня посмотрел, затем извинился и вышел из комнаты, появившись только спустя двадцать минут.

– Мистер Рэджинальд, условия договора слегка изменились, – он растерянно пожал плечами, – если вы готовы убрать метки с душ уже заражённых вами людей и раскрыть все тайны имперских исповедников, Сенат после обсуждения может гарантировать вам свободу под надзором и неограниченные возможности по вашей исследовательской работе.

– Неограниченные? – я слегка поднял одну бровь. – Для ремесленника это слишком неопределённые слова.

– Лаборатория, любые ресурсы, помощники и людской материал вам будет предоставлен в неограниченном количестве, – твёрдо заявил он.

– Хорошо, составляйте договор по тем пунктам, что мы проговорили, и включите Анну в один из пунктов, как моего неизменного помощника, всё, что касается меня, должно быть и у неё.

– Безусловно, – он протянул мне руку, и я пожал её.

На следующее утро всё закрутилось с такой скоростью, что можно было удивляться, как быстро тут принимаются решения. Не успел я позавтракать, как Пауль Эджерни, так звали моего ночного собеседника, принёс небольшой договор, всего на десяти листах, где, на моё удивление, больше были прописаны мои привилегии, чем обязанности, которые состояли всего из трёх строк: я вылечиваю заражённых людей, рассказываю и показываю душеприказчикам всё, что знаю об исповедниках, и работаю на благо республики, раз в год представляя на суд Сената свою работу.

Прочитав и внимательно ознакомившись со всем, я поставил год и число, передав бумагу Паулю, он сделал то же самое и пообещал вернуть мне бумаги, как только их подпишут главы всех сенатских комиссий, а пока он распорядился, чтобы меня перевезли из Бастилии в место, которое будет моим временным домом, позже для меня персонально оборудуют отдельное жилище по тем требованиям, которые я сам озвучу.

– Только прошу вас, мистер Рэджинальд, – он слегка наклонился ко мне, – сегодня вечером произведите впечатление на старых пердунов из комиссии по работе с душеприказчиками. Уж больно они зазнались в последнее время.

– Если это не повлияет на наш договор, приложу все силы, – я пожал плечами, ещё не зная, чего от них ожидать.

– От пяти из тринадцати комиссий вы сейчас имеете полный иммунитет, но чем больше покажете своей полезности для дел республики, тем больше членов Сената за вас будет голосовать.

– Я вас услышал, господин Пауль.

– Лучше говорить гражданин Пауль, так у нас принято, и этим вы не будете раздражать остальных людей. Королевское лобби ещё присутствует в нашей стране, но к нему большинство граждан относится негативно.

– Приму к сведению, гражданин, – покладисто согласился я.

– Приятно иметь дело с умным человеком, – он улыбнулся мне одними уголками губ и приглашающе показал рукой на дверь.

– А Анна? – когда мы вышли в коридор, я посмотрел в сторону её камеры.

– Поскольку она не совсем транспортабельная, её перевезут ближе к вечеру, когда на улицах и здесь не будет так много зевак.

– Как же тогда собираетесь перевозить меня? – удивился я.

– Переоденем и замаскируем под одного из сенатских служащих, – как само собой разумеющееся ответил он, – уже всё готово, мы как раз направляемся к моему гримёру.

Мы и правда прошли чуть дальше по коридору, где в одной из камер нас ждал лысый, чуть одутловатый человек, который, стараясь не смотреть мне в глаза, быстро предложил сменить одежду на подготовленный серый комплект, состоящий из нижнего белья, сюртука и штанов, а затем всего за полчаса изменил моё лицо до неузнаваемости.

– Благодарю тебя, Эйрон, – сопровождающий поблагодарил своего человека и, простившись с ним, мы пошли на выход.

Все встречаемые по пути жандармы нас словно не замечали, поскольку мы, как два призрака, проходили через помещения и заранее отпертые решётки, перегораживающие этажи, и никто не поворачивал в нашу сторону голов, все были заняты своими делами. На улице нас ждал простой с виду автомобиль, усевшись в который, я понял, что внутри он куда лучше, чем снаружи. Мягкие кожаные сиденья и даже бар с напитками, всего этого я никак не ожидал от с виду ничем не примечательного парокара.

Отказавшись от напитков, я приготовился внимательно смотреть по сторонам, когда автомобиль тронулся, но, к сожалению, извинившись за секретность, окошки закрыли плотной тканью, и я опять не увидел город, в котором очутился.

По пути мы беседовали о новостях, о ходе войны, даже вспомнили общих знакомых, оказалось, Пауль по долгу службы пристально следил за прессой империи и был в курсе большей части светской хроники.

– Рэджинальд, а вы случайно не знаете, почему после многих лет ношения закрытых нарядов принцесса внезапно стала красоваться в весьма откровенных одеждах? —поинтересовался он, после того как я ему поведал, что был однажды в императорском дворце.

– Я с помощью гениального механика и талантливого хирурга создал протез, в который смог переместить часть её изъятый души, – без задней мысли ответил я, – так что теперь он воспринимается ею как собственная рука, без всяких различий, хотя он может быть чуть тяжелее из-за встроенных механизмов.

Собеседник напротив стал похож на выброшенную на берег рыбу.

– Пауль?

– Знаете, Рэджинальд, как только я сформирую в голове ваш образ со всеми вашими умениями и достижениями, вы, словно фокусник, достаёте из шляпы нового кролика, – прокашлялся он.

– Это секретная информация в империи, – я пожал плечами, – но мне сейчас всё равно, я ведь собираюсь работать на вас.

– Я, конечно, не большой эксперт в области душ, но никогда не слышал о такой возможности ни у нас, ни в империи. Как часто такое практикуется у вас, это ведь отличная технология, как ни посмотри. Возвращать людям утерянные конечности – мечта любого врача!

Я хмыкнул.

– В прошлом, может, и было подобное, но в этом столетии пока только я могу осуществлять это.

– А сколько всего было таких пациентов? – он был по-настоящему заинтересован.

– Двое. Генерал Генрих эр Горн и, собственно, принцесса.

В машине воцарилось молчание, мой собеседник словно переваривал эти новости, больше ни о чём меня не спрашивая. Встрепенувшись только тогда, когда мы подъехали к конечному пункту нашего путешествия, и машина остановилась. Через минуту дверь открыл чопорного вида слуга в красно-чёрной ливрее.

– Доброе утро, гражданин Пауль, – поприветствовал он моего сопровождавшего, – две гостевые комнаты готовы, несмотря на кучу мешающих нам жандармов и душеприказчиков.

– Ничего, это временно, – глава комиссии легко вылез из парокара, дождавшись, когда я последую за ним. Мы оказались перед высоким четырёхэтажным особняком со шпилями на всех углах крыши, а также весьма ухоженными лужайками, которые окружали белоснежную подъездную дорогу, по которой мы, собственного говоря, сюда и приехали.

– Моё скромное жилище, почувствуйте себя здесь как дома, – мужчина показал мне на лестницу и пошёл вперёд, тихо уточняя на ходу у своего управляющего какие-то подробности по приготовлению.

Я не спеша шёл за ними, оглядываясь по сторонам.

«Странные порядки в республике, – думал я, наблюдая за роскошью и богатством кругом, ничуть не уступающие тем, что я привык видеть у аристократии у себя в империи, – пока не совсем понятны отличия в наших странах, кроме обращения “гражданин”».

Мы проходили по помещениям, и везде я наблюдал только дорогие материалы и драгоценную утварь, не говоря уже о количестве слуг, которых тут было явно многовато. Хотя нужно отметить, что и дежурившие возле каждого коридора жандармы, одетые в неизвестную мне серую форму военного покроя, сильно отличались выправкой от тех, кого я видел в тюрьме, эти были выше, крепче сложены и, главное, лучше вооружены.

– Вот, комнаты вашего гостя, – управляющий остановился возле больших дверей, которые слуги открыли перед нами, показывая вход в огромную комнату, в которой было не меньше роскоши и комфорта, чем в том доме, в котором я жил с другими исповедниками.

– И она сообщается дверью с соседней комнатой, куда вечером прибудет спутница вашего гостя, – он показал рукой, и слуги, бесшумно вошедшие следом, открыли боковую дверь явно в женский будуар, настолько там всё было изысканно обставлено и украшено.

– Как вам? – Пауль обратился ко мне. – Устроит такой временный дом?

– Более чем, – не стал кривиться я, покои и правда были шикарными.

– Тогда, Эндрю, оставь нас пока одних, через час подавай завтрак.

– Слушаюсь, – тот со взмахом руки забрал с собой слуг и закрыл за собой двери.

– Давайте обговорим с вами пару правил, Рэджинальд, для вашей и моей безопасности, – он показал мне рукой на кресло, опустившись на соседнее. Я аккуратно сел, стараясь не поцарапать красное дерево.

– Весь во внимании.

– Первое и самое главное, никогда не упоминайте своего имени, пока проживаете здесь. Вас будут знать как моего гостя, но не более. Присутствие жандармов моего особого управления обозначено под тем предлогом, что вы очень высокопоставленный чиновник.

– Как же мне тогда представляться? – удивился я.

– Просто гражданин Икс, – он открыл тумбочку и достал оттуда мягкую шёлковую маску, полностью закрывающую лицо. На ней не было никаких рисунков, просто белая многослойная ткань с разрезами для глаз, носа, ушей и рта.

– Ну и второе, надевайте её, пожалуйста, всегда, когда выходите из дома. Встреч нам предстоит немало, и не хотелось бы, чтобы вы были узнаны – это сильно всё осложнит.

– Тогда вас не затруднит, дать мне ещё чёрные одежды и капюшон? – попросил я. – Так будет проще скрыть маску.

– Да, конечно, без проблем. Я распоряжусь. Что-то ещё?

– Мне нужно будет бельё, одежда и прочее для обычной жизни, то же для Анны. Для неё, пожалуй, ещё нужна будет пара небогатых служанок.

– Это уже предусмотрено, если хотите, можете прямо сейчас выбрать из доступных в доме.

– Чуть позже, если вечером нам предстоит встреча с душеприказчиками, я хотел бы помыться, переодеться и привести мысли в порядок, – попросил я его.

– Конечно, я зайду за вами в пять, до этого времени всё будет вам предоставлено.

– Благодарю вас, Пауль.

Глава 7

– Меня, к сожалению, не допустили на собрание, там будут присутствовать только высшие душеприказчики республики, личности которых так же, как и у вас на родине, держатся в строжайшем секрете, – с этими словами Пауль пропустил меня внутрь комнаты, а сам с видимым сожалением отступил назад. Час назад нас с ним привезли сюда в закрытом автомобиле с полностью чёрными стёклами, и мы были вынуждены ждать, что, конечно же, не прибавило настроения ни мне, ни ему. Он ещё раз, мстительно улыбаясь, напомнил о необходимости быть с теми, кто нас ожидал, построже. Поправив маску на лице и набросив поглубже капюшон, я вошёл в большой кабинет, когда нас наконец-то вызвали.

Несколько прямоугольных столов, стоявших рядами, за которыми сидели люди в чёрных одеждах с обшитыми золотом стыками материи. На моё появление они отреагировали вяло, на лицах многих было отображено множество эмоций, от скуки и безразличия до откровенного недовольства. Я подошёл к кругу на полу и замер на нём.

– Гражданин, вы предстали перед высшим советом душеприказчиков из-за желания Совета оценить ваши возможности. Вы готовы к экзамену? – раздался голос с ближайшего стола, от древнего старика, возрастом точно за семьдесят лет.

Я молча пожал плечами, вызвав гул недовольства в их рядах.

– Продемонстрируйте ваше владение аурой, – тот же голос продолжил свою речь, ничуть не сбившись, – расширьте её на максимально возможную для вас величину.

Я прикрыл глаза и, сосредоточившись, запустил лучик ауры к первому сидевшему рядом со мной человеку, от него к другому и затем, как только хорошо почувствовал границы сначала комнаты, а затем здания целиком и находящихся в нём людей, просто отпустил свою ауру, позволяя ей захватить всех, кого почувствовал.

Крики ужаса и вопли страха раздались мгновенно, едва тысячи тонких энергетических линий толщиной с человеческий волос с огромной скоростью выстрелили от меня ко всем сидевшим в комнате, а затем и вовсе проникли за стены, устремляясь дальше, к тем, кто был мной замечен во время концентрации. Самые упорные боролись с моей аурой, не давая лучам прилипнуть к своей душе, и нужно отметить, что таких в комнате было всего с десяток, остальные же, почувствовав, как по присосавшимся к ним жгутикам энергии стали утекать ко мне их души, повскакивали с мест. В комнату незамедлительно ворвались знакомые мне жан-дармы в серых одеждах и нацелили на меня револьверы. Стрельнувшие к ним энергетические лучи безвольно опали, столкнувшись с неизвлекаемыми душами людей. Пришлось применить тот метод, который я использовал к полицейским из шестого управления, когда бежал из-под стражи. Просто запустил к ним часть своей души, и вскоре они зафонтировали энергией, которая по капле стала опустошать их души, правда, крайне медленно, но это было единственное, что у меня получалось в душами подобной категории.

– Стоп! Хватит! – скрытая дверь прямо рядом со мной открылась, и оттуда вышли три человека, носившие точно такие же маски, что и я. Странно, что я их совершенно не чувствовал, пока они не появились рядом. Пожав плечами, я свернул ауру, которая за мгновение вернулась ко мне, словно ничего и не происходило до этого. Вошедшие прошли к одному из столов, махнув присутствующим, и те бросились прочь из комнаты, оставив нас одних.

– Ты и правда очень силён, Жнец, – заговорил со мной один из них, когда дверь за последним выходящим человеком закрылась, – нас уведомили, что ты являешься исповедником империи, поэтому Сенат интересуется срок, за который ты можешь переместить душу человека в механизм.

– Если кающийся готов и будет мне помогать, то две недели, – я пожал плечами.

В комнате повисло молчание, а маски переглянулись.

– Ты ведь понимаешь, что врать бесполезно? Мы можем это легко проверить, – наконец сказал один из сидевших рядом с тем, что заговорил со мной первым.

– Можем поспорить, если выиграю я, вы съедите свою маску, – спокойно ответил я, не сомневаясь в своих силах.

– Ещё глава комиссии по правде говорил о протезе с частицей души человека, – когда заговорил со мной третий человек, а я понял, что это женщина. В её голосе читался живой и неприкрытый интерес к этому вопросу.

– Да, опыта у меня было мало, но две подобные операции я провел успешно.

– И, конечно же, сможете нам рассказать об этом подробно? Можете не выбирать термины, мы знакомы с трудами ван Червиваля, Дермарка, дер Хольца.

– Да? – очень сильно удивился я. – Если это правда, мне проще вам показать.

– Извольте, – все трое достали очки, меркнувшие зелёным светом. Я же достал свой камень, который среди них вызвал лёгкий ажиотаж своими размерами.

– Приступим, – я поднял свою руку и, посмотрев на неё через паинит, легко отслоил от конечности часть души, – для начала нам нужно синхронизировать свою душу так, чтобы полностью по резонансу совпадать с душой кающегося.

Я рассказывал и показывал, что и как делается, преобразуя собственную душу, которая, словно мягкий пластилин, послушно моей воле трансформировалась в то, что мне требовалось.

– И вот так мы приращиваем слепок души обратно, – я вернул чистый энергетический конструктор себе в руку, он тут же стал сливаться с моей аурой и вскоре сделался абсолютно неотличим от того состояния, в каком я его извлёк пятнадцать минут назад.

– Изабелла? – едва слышно спросил один из мужчин.

– Я встречала упоминание об этом в трудах ван Червиваля, но, чтобы кто-то довёл технику до подобного уровня реализации... – она замолчала, – может, мы закончим этот концерт и просто признаем очевидное?

– Не будем спешить, – проворчал второй человек, – расскажите нам о технике, на которой основаны дирижабли-собиратели. Это ведь ваше творение?

– Целиком и полностью, – признался я, – на самом деле они, наверно, больше засеиватели, чем собиратели, но извольте, расскажу вам подробности, которые мало кто слышал. Сами понимаете, военные секреты и прочее.

– Нам это безразлично, мы ищем лишь знания, – перебил меня первый.

– Хорошо, только это будет чуть дольше и с предысторией, нужной, чтобы вы поняли мою мотивацию.

– Мы никуда не спешим, – заверили меня.

Я, почувствовав в этих людях родственные души, стремящиеся к познанию и самому искусству ремесленников, стал углубляться в подробности, вываливая всё, о чём думал и размышлял во время своих изысканий. Не заметив этого, я перешёл на такие специализированные термины, которые почерпнул из работ великих мастеров прошлого, и на основе именно их трудов стал реализовывать все свои изобретения.

Закончил я спустя пару часов, полностью исчеркав доску за своей спиной формулами и спектрограммами различных состояний души. Горло надсадно хрипело, и сухость не дала продолжить дальше. Но, в принципе, я полностью выговорился и поэтому, извинившись, свернул лекцию.

– Я понял, как это работает, не понял только, как нам это прекратить? – после минуты переглядывания и тихого шёпота спросил один из них.

Его вопрос заставил меня надолго задуматься. Когда я придумывал эту возможность, антидота для неё не предполагалось, ведь я не мог даже подумать, что однажды окажусь на другой стороне фронта. В чём честно и признался.

– И всё же? Не верю, что такой одарённый молодой человек не думал о противодействии собственному изобретению.

Мне пришлось задумчиво почесать затылок, пачкая волосы меловой пылью.

– Ну, пожалуй, так, с ходу, есть вариант, но мне нужно будет тогда побывать рядом со всеми людьми, что присутствуют на фронтах.

– Насколько близко, и что ты придумал?

– Не сильно, главное, чтобы я их видел.

– Полёт на дирижабле подойдёт? – уточнили у меня.

– Да, вполне, – кивнул я, – я засею их души своими частицами, и имперцы не смогут их вытянуть из погибших с помощью дирижаблей.

– А наши?

– Всё станет, как и было до этого, прикосновением можно будет забрать любую душу, ну, кроме не извлекаемой, конечно.

– Без использования твоей души, частички которой сейчас на десятой части населения города, это можно сделать?

– Думаю, да, но мне нужна будет лаборатория, материал и время, – я пожал плечами, – вы же сами попросили меня придумать решение на ходу. В голову приходит только такой метод.

– Все ремесленники империи, сидящие на дирижаблях-собирателях запускают, как ты выразился, засеивание только на подобранной тобой частоте? Может кто-то сделать свою?

– Безусловно, но тогда это будет воровство душ у империи, ведь высвобожденные ими души попадут не в ловители, а в их собственную ауру, что, как вы знаете, карается смертной казнью.

Люди в масках о чём-то снова зашептались, до меня долетали отрывочные слова.

– Ты сможешь, если потребуется, изложить свои изобретения на бумаге? – спросила у меня женщина, – чтобы мы могли обучить подобным техникам большее количество душеприказчиков.

– Если дадите пишущую машинку и бумагу, я за пару месяцев воспроизведу свой труд, который в сильно урезанном виде сейчас издаётся в империи, как основное учебное пособие для ремесленников.

Женщина удивлённо вскрикнула.

– А я-то думаю, почему многие главы выглядят там такими куцыми, словно из них повырезали важные абзацы.

– Вы знакомы с ним? – сильно удивился я.

Она покопалась в своих обширных одеждах, достав книгу в знакомой мне обложке.

– Сэр Пэрри, сэр Рэджинальд, сэр Энтони, – прочитала она имена, – и никаких фамилий.

– Мои учителя, – я развёл руками.

– Сделаем так, Жнец, – прервал нас первый из ремесленников, – если Сенат выдаст по тебе положительное решение, мы выделим тебе, кроме запрошенных принадлежностей, ещё и самого способного нашего ученика, который может быстро набирать текст. Он намного быстрее справится с этой работой, чем ты. Главное, надиктуй свой учебник, только желательно не в урезанном виде. Дайте и нам оценить все ваши таланты.

– Без проблем, только если он будет тупить или ошибаться, вылетит быстрее, чем его собственная душа из тела.

– Мы его проинструктируем нужным образом, – не колеблясь, ответил он, – на сегодня всё, ваш экзамен окончен. Гражданин Пауль заберёт вас.

– Пока, – мне только и оставалось попрощаться, поскольку за мной пришли знакомые жандармы и отвели в комнату, где были все удобства, а также шикарный ужин с двумя слугами, которые во всем старались мне угодить. Потянулось долгое ожидание, несмотря на подписанный договор, я был уверен, что именно сейчас решается моя судьба. Бумаги подписали

лишь для моего успокоения, что не могло меня не насторожить, здесь с пугающей лёгкостью относятся к обещаниям.

Три человека вышли на середину зала, молча посмотрев на председателя, который находился за небольшой трибуной, вокруг него рядами сидели главы комиссий и их советники, которые и определяли каждый закон, которым подчинялась республика.

– Приветствуем гражданина председателя и Сенат, – глухо поздоровались они, замерев на месте.

– Вы лучшее, что есть у республики на сегодняшний день, – пафосно начал он речь, указав небольшим деревянным молоточком на фигуры в широких одеждах и масках, – мы оторвали вас от проектов, чтобы вы дали полноценную оценку человеку, который называется Жнецом. Полезен он для республики или нет. На основе вашего мнения мы будем определять его дальнейшую судьбу. Прошу вас высказываться.

– Продемонстрированные Жнецом техники и возможности мне были до сегодняшнего дня неизвестны, – заговорил первый мужчина, – его способности за гранью полного их понимания, и потому неизвестно, как мы сможем их распознать, если он захочет нас всех убить. Я высказываюсь за его устранение.

– Его мысли, умения, талант – передо мной словно встали призраки прошлых величайших учёных, – без заминки заговорила следом и женщина, – его знания, без сомнений, толкнут нашу науку на десятилетия вперёд. Но, как и коллега, я за его устранение, мы не сможем его контролировать, у нас просто нет душеприказчиков подобного уровня.

– Гений, опередивший своё время, – глухо произнёс третий человек в чёрных одеждах, – я за устранение, даже несмотря на последствия.

– Благодарю вас, можете вернуться к своим проектам, граждане, – председатель криво улыбнулся, благодаря их.

Когда душеприказчики вышли, он развел руками.

– Что ж, начнём высказываться, слово предоставляется главе комиссии промышленности.

Глава 8

Ждать мне пришлось и правда долго. Так что я успел дважды перекусить и вздремнуть, прежде чем дверь открылась и появился донельзя довольный мистер Пауль.

– Простите за ожидание, Рэджинальд, но споры выдались слишком жаркими.

– Судя по вашему довольному виду, всё прошло успешно?

– Не совсем, но главное, что вам дали испытательный срок, это пусть не сама победа, но её половина точно.

– Что мне нужно будет сделать?

– Для начала подписать дополнение к уже заключенному договору, – он достал из внутреннего кармана сюртука всего два листа и протянул их мне, – мы не стали уходить в казуистику, расписав главное, чего от вас ждут за указанный испытательный срок.

Я внимательно изучил протянутые бумаги и, наклонившись к столешнице с писчими принадлежностями, подписал оба листа, на которых уже были росчерки членов Сената, и протянул один экземпляр мужчине.

– Первое – метки! – напомнил он мне.

– Сразу говорю, это не мгновенный процесс, – предупредил я его, – это не в моих силах. Просто запущу обратный заражению процесс, и через какое-то время все от них избавятся. Начну с вас, а вы можете встретиться и проконтролировать это с остальными. Устроит?

– Если других вариантов нет, то вполне, – он пожал плечами.

Я лишь на мгновение прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться и запустить процесс.

– Готово, думаю, неделя-другая – и всё станет как прежде, – я открыл глаза и посмотрел на него, – очистил ауры всех, кто в этом здании.

– Одну минутку, – Пауль извинился и вышел за дверь, но очень быстро вернулся обратно.

– Всё верно, душеприказчики подтвердили ваши слова, первый пункт начал выполняться. Что насчёт второго?

Я достал коробку, в которой хранил свой паинит, и отодвинул второе дно, достав оттуда две маленькие детали.

– С этим аниматрон заработает, – протянул я их.

– Ну и самое главное, – он радостно потёр руки, принимал у меня части прибора, – если вы не против, сейчас же вылетаем на самую горячую точку фронта.

– Вы сами будете меня сопровождать? – удивился я.

– Я и майор Сорес, с которым, как я понял, у вас установилось взаимопонимание.

Я промолчал в ответ, поскольку хоть и считал так же, но это не отменяло факта, что тот убил учителя и пленил Анну, а за это ему придётся рано или поздно ответить.

– В полном вашем распоряжении, – поскольку он ожидал моего ответа, пришлось что-то сказать вслух.

– Отлично, вы успели поужинать?

– Да.

– Ну, тогда не будем задерживаться, сам я перехвачу что-нибудь по пути.

Пауль развернулся и отправился по коридору, я последовал за ним, не забыв надеть маску и капюшон. Спустившись на первый этаж, мы вышли во двор, где уже поджидал парокар главы комиссии. Усевшись внутрь, мужчина приказал водителю ехать на военный аэродром. Он оказался неподалёку, я даже не успел толком удобно устроиться на мягком сиденье.

На огромном поле с кучей дирижаблей нас ждали знакомые лица людей, с которыми я успел познакомиться при первой встрече. Майор не выглядел довольным, но лишь кивнул мне при встрече, не став рисковать и подавать руку, помня, что было в прошлый раз.

Всего за три недели мы облетели все основные направления фронтов, где задерживались всего на пару часов, этого времени мне было достаточно, чтобы заразить души военных своими частицами, которые не позволят имперским ремесленникам получать души, используя мою технологию. Да, конечно, обычным способом они могли это сделать, но тогда это возвращало войну к тому состоянию, с какого она началась – ни у кого не было преимуществ.

Результаты этого не заставили себя долго ждать. Первые же крупномасштабные наступательные операции, которые осуществили республиканцы, рассчитывая на эффект неожиданности, принесли такое количество душ, что Пауль, читая телеграммы, которые мы забирали при кратких остановках у штабов фронтов, с каждым днём делался все довольней и, наконец, начал выглядеть как кот, досыта объевшийся сметаны и запивший всё это валерьянкой.

Мне же было по большей части всё равно, я в эти моменты читал новости от Анны, которые мне передавали отдельными листами. Девушка писала, что скучает, но в целом с ней всё хорошо. Уход и помощь она получает сполна, что меня, конечно же, успокаивало, но хотелось, чтобы наконец эти полёты закончились, и я, во-первых, смог с ней увидеться, а во-вторых, начал наконец новые исследования, мысли о которых у меня накопились за время бесконечных полётов на дирижабле.

Мистер Пауль меня не разочаровал, однажды получив телеграмму всего с парой предложений, он поднял голову и радостно заметил:

– Ваш испытательный срок закончился, Рэджинальд, вы сдержали все свои обещания, пора и нам ответить вам тем же. Мы возвращаемся, ваше новое жилище и лаборатория готовы. Анна уже туда перевезена.

– Отлично, – сухо ответил я.

– Рэджинальд! – он непонимающе нахмурился. – Что вы такой пасмурный?! Всё ведь хорошо! Вы снова займётесь любимым делом!

– Немного переживаю за родных, которых оставил в империи, – нехотя признался я, – но так да, я рад.

– Скажите, где они живут, и мы их постараемся доставить! – чересчур радостно предложил он, покосившись на майора Сореса.

«Угу, и самому передать заложников вам в руки? – про себя хмыкнул я. – Нет уж, увольте».

– Подумаю над вашим предложением, – тем не менее дипломатично ответил я, не став спорить.

– Что же, тогда вы наслаждайтесь обедом, а я отдам распоряжения капитану. Мы возвращаемся!

– Добрый вечер, Артур, – сэр Энтони откинул одеяло и опустился с кровати, приветствуя вошедшего в комнату хмурого главу тайной полиции, – что привело тебя ко мне в столь поздний час?

– Собирайся, – отрывисто бросил тот, – заверяю, тебе это тоже не понравится.

– Дорогая?! – исповедник позвал жену и, когда Элиза вошла, принеся ему верхнюю одежду, поблагодарил её, облачившись для поздней поездки.

Уже в машине, когда они выехали на широкую и ярко освещённую дорогу, он поинтересовался:

– И всё же? Чем вызвана подобная срочность?

– Дирижабли-собиратели перестали работать, – хмуро признался Артур, – никто не может понять почему, поэтому я и вызвал тебя, как самого опытного исповедника, чтобы ты глянул на тела убитых, из которых теперь не собираются души этим способом.

– А, то есть обычными ремесленниками они забираются? – уточнил он.

– Да, вот только сразу теряется преимущество, которое мы за этот год нарастили на фронте. Без технологии дирижаблей всё вернулось к паритету в силах, что, как ты понимаешь, крайне не понравилось его императорскому величеству.

– Мы-то какое отношение ко всему этому имеем? – делано удивился Энтони. – Технологию, напомню, у нас отобрали, лишили всех патентов, мы не имеем к ней больше никакого отношения.

– Скажешь это императору, – зло бросил полицейский, – как только она перестала приносить прибыль, сразу вспомнили как о создателях, так и о тех, кто её реализовал.

Исповедник рассмеялся.

– Посмотрим, как тебе будет весело через пару часов, – не поддержал его легкомыслия Артур, – когда будешь стоять перед императором.

Эти слова заставили старого исповедника погрузиться и сосредоточиться. Так что, когда они приехали в одну из загородных резиденций тайной полиции и спустились в морг, в котором их уже ждали трое антианимантов, находившихся на службе у сэра Артура, он был предельно собран.

– Выйдите, – бросил он, не пошевелив и пальцем, тем не менее те, побросав инструменты и работу, мгновенно ретировались из комнаты.

– Прошу, – полицейский кончиком трости показал на тела трёх молодых людей, которые лежали на прозекторских столах, двое были уже вскрыты.

Сэр Энтони достал очки и, надев их, подошёл ближе, осматривая тела. Через пять минут он хмыкнул и обратился к тому трупу, который был всё ещё цел.

– Ну что ж, привет, Рэджи, как всегда, прекрасная работа, мой мальчик.

Глава тайной полиции при звуках знакомого имени вздрогнул, и вся его невозмутимость слетела в мгновение ока, он бросился вперёд и схватил исповедника за рукав.

– Что ты только что сказал, Энтони?! Что ты сказал?!

Старый друг, убирая очки в чехол, грустно отметил.

– Произошло то, о чём я вас многократно предупреждал. Вы передавили на мальчика, и он теперь против нас.

Он указал рукой на мёртвое тело.

– Не знаю точно, как это работает, но в душе этого солдата есть микроскопическая часть души Рэджинальда, уж эти эманации я никогда ни с чем не спутаю после стольких лет работы с ним. Могу лишь предположить, именно наличие этого кусочка и блокирует его же технологию. Ведь изначальную частоту резонирования при засеивании частиц, подходящую под большее количество душ, подобрал он.

– А остальные? – сэр Артур показал на другие тела.

– То же самое, – исповедник пожал плечами, – твои прикормленные собачки, конечно, здорово напортачили, перекорёжив их души при осмотре, но теперь, когда я знаю, что искать и на что смотреть, безусловно, в этих телах тоже есть частицы души Рэджинальда.

– Как этому противостоять или предотвратить? – глава тайной полиции осунулся и словно постарел на десять лет. – Только не спеши с ответом, подобный вопрос ты услышишь и во дворце.

– А тут нечего и думать, Артур, – исповедник пожал плечами, – я не знаю и, боюсь, никто, кроме самого парня, не знает.

– Я просил тебя подумать, Энтони! – в голосе собеседника послышалась скрытая угроза. – Его императорскому величеству не понравится такой ответ.

– Ну, пусть тогда прикажет пропустить меня и заодно всех остальных исповедников через строй солдат, пусть избыют нас палками, – у старика не дрогнул даже мускул на лице, – или заберут дело всей жизни, посадив под замок. Даю слово – это стопроцентно решит проблему!

– Энтони! Ты хоть не начинай! – разозлился сэр Артур. – Я попросил тебя помочь, а не ещё больше всё усложнять!

– Хорошо, только для твоего успокоения я отвечу ему, что могу попробовать разобраться в этом, но срок не гарантирую.

– Это уже куда лучше, чем твой первый ответ, но, если изменить концовку и попросить три месяца, будет вообще отлично.

– Ты ведь понимаешь, мне тогда придётся бросить всё и заняться только этим? – изогнул бровь исповедник.

– К чёрту остальную работу, Энтони! Империя за последнюю неделю потеряла миллионы! Все привыкли к получаемым душам, и их потеря больно ударила по казне!

– Ладно, если ты настаиваешь, я в твоём распоряжении, – нехотя согласился сэр Энтони, понимая, что ради таких сумм не остановятся ни перед чем.

– Отлично! – облегчённо вздохнув, полицейский вернул себе прежнюю невозмутимость. – Поехали к императору, нужно успокоить его, прежде чем полетят головы.

Старый исповедник на это лишь презрительно хмыкнул. Он много раз говорил, что Артуру, что советникам императора, что к парню нужно относиться совершенно по-другому. Ему нужно дать свободу и возможности, тогда он свернёт горы для своей страны. Сегодня он ещё раз убедился в правильности своих слов, едва понял, что придумал бывший ученик. Вот только теперь парень был по другую сторону баррикад, и это не только настораживало, но и откровенно пугало исповедника, стоило представить, что тот может наворотить, если там ему дадут лабораторию и возможность творить. Но эти свои мысли он, конечно же, не будет транслировать никому другому, проблем хватало и без этого.

Глава 9

Сначала дирижабль, а потом автомобиль доставили нас обратно в Париж, всё так же под охраной специального подразделения, но хотя бы в этот раз, когда я начал доказывать свою лояльность, полиции больше не было. К тому же меня повезли не в имение мистера Пауля, а в неизвестное место в пригороде столицы. Закрытые окна не давали мне сориентироваться в пространстве, так что удалось рассмотреть, что новое место находится где-то у реки и очень хорошо охраняется. Какой-то старый сторожевой форт был переделан под содержание важных гостей, поскольку снаружи неказистое и обшарпанное здание, к которому меня привёл майор Сорес, кардинально отличалось внутри от фасада. Во-первых, везде была привычная мне роскошь, стоило только переступить порог единственной двери, которая вела внутрь, во-вторых, имелась выстроенная в два ряда длинная вереница слуг, которые встречали меня у входа, ну и в-третьих, самое главное, в деревянном кресле на колёсиках меня ждала Анна.

Я, конечно же, бросился к ней, несмотря на приветствие слуг, и обнял её, поцеловав после долгой разлуки.

– Привет, Рэджи, – из уголка единственного глаза скатилась слезинка, – ты не против, я тут немного похозяйничала, всё равно особо нечем было заняться одной.

– Конечно, можешь даже об этом не говорить, – я приподнялся с колена и положил одну руку ей на плечо, поскольку к нам подошёл высокий, затянутый в чёрный фрак незнакомый человек вместе с майором Соресом.

– Позвольте представиться, гражданин Икс, – первый из них обратился к мне, – я ваш дворецкий, Гастон д'Эбле. Заботы об удобстве вашего проживания целиком возложены Сенатом на меня, так что по всем бытовым вопросам можете вызывать меня в любое время.

Военный же сморщился и продолжил за ним:

– А меня приставили к тебе в качестве охраны для выполнения иных поручений, связанных с работой. Сразу скажу, что мне это вообще не нравится, но выбора мне не оставили.

– Вы будете поставлять мне материал для работы? – решил уточнить я, поправляя чуть съехавшую на лице шёлковую маску.

– Да, – его передёрнуло от этих слов, – а также всё остальное, что вам потребуется для исследований. Мне сказали, что от вас ждут результатов, поэтому никаких препятствий с нашей стороны этому не будет. Тебе стоит только предоставить мне список необходимого.

– А он давно готов, – я достал из кармана сюртука лист бумаги и протянул ему, – составил, пока мы летали на дирижабле.

Майор взял бумагу в руку, и, едва начал читать, брови его взлетели вверх, он поджал губы и бросил на меня взгляд.

– Мне нужно проконсультироваться с гражданином Паулем.

– У вас есть время до завтра, – я решил не упрощать ему работу, – сегодня я отдохну, а завтра с утра хотелось бы приступить к работе.

Военный кивнул и, спрятав бумагу, ретировался из помещения, оставив нас с Анной, дворецким и остальными слугами.

– Давай я покажу твои комнаты, если что-то не понравится, можешь ругать только меня, – Анна пошевелилась в кресле, привлекая к себе внимание, – весь ремонт и обстановка выполнены по моим желаниям.

– Конечно, сейчас посмотрим, что ты сделала, – я взялся сзади за ручки кресла и покатиł его в ту сторону, куда она показала рукой.

– Начнём с гостиной, вдруг мы будем принимать гостей.

За время экскурсии я понял только одну вещь, Анна вообще не разбиралась ни в чём, что касалось обустройства дома и вкуса, поскольку помещения словно украшал, а затем расставлял

в них мебель ребёнка. Причём его главной идеей при этом было напихать всего побольше и побогаче. Вслух, понятное дело, я не стал ничего озвучивать, а лишь восторгался и хвалил девушку. Она осталась так довольна моей внешней реакцией, что даже щёки покраснелись к концу поездки. Она призналась, что даже немного устала от показа и разговоров, и если я не против, она хотела бы отдохнуть перед ужином, ведь мне ещё нужно будет переодеться и принять ванну. Согласившись, я кивнул дворецкому, который всё это время молча ходил рядом с нами, не произнося и слова.

Он лишь пошевелил рукой, и к нам тут же подбежали две служанки, которые укатали коляску с Анной к её покоям. Махая рукой девушке, которая на меня постоянно оглядывалась, я дождался, когда она скроется в длинном коридоре, затем повернулся к дворецкому. Улыбка моментально ушла с моего лица, я цепко взглянул на него, запоминая всё, до малейшей детали. Он, даже несмотря на мою маску, моментально почувствовал смену настроения, тут же вытянувшись по швам.

– В течение трёх месяцев, по одной комнате, чтобы этого не заметила Анна, заменить всё, сделав по последней моде. Я хочу, чтобы к концу этого срока дом выглядел не хуже богатейших особняков высших чинов сенатских комиссий, – обратился я к нему, – это понятно, Гастон?

– Абсолютно, – он чуть кивнул.

– На все вопросы мадмуазель отвечать, что я хочу лишь чуть добавить штрихов к её основному, безупречно выполненному ремонту.

– Слуги будут об этом оповещены, – он не моргнул и глазом.

– Кто ответственен за лабораторию?

– Всё, что находится в стороне и ниже этого этажа, гражданин Икс, во власти майора Сореса.

– Тогда жаль, что он так рано ушёл, – я чуть скривился, – хотелось бы также осмотреть оснащение рабочих помещений.

– Это не проблема, такой момент был предусмотрен, – он подозвал одного из слуг и попросил позвать Холафа.

Вскоре действительно к нам подошёл знакомый мне военный из отряда майора. Он молча, но внимательно посмотрел на меня.

– Нужно осмотреть лаборатории, – кратко высказал я свои пожелания, на что он приглашающе показал рукой последовать за ним.

Оказалось, что вход в рабочие помещения был отдельным и даже совсем не рядом с основным зданием, до него пришлось пройти по улице. Зато, когда мы попали в четыре больших, отлично обставленных рабочих зала, в которых могли с лёгкостью поместиться сразу несколько десятков человек, привязанных к прозекторским столам, мне лишь оставалось развести руками и похвалить того, кто проделал тут подготовительную работу. Замечаний к оснащению лабораторий у меня не было. Закончив с обходом, я вернулся в основное жилое здание, где снова попал в руки к своему дворецкому.

– Гражданин, мадмуазель Анна выбрала для вас двух личных служанок, – с абсолютно невозмутимым видом начал он, увидев меня, – но в свете новых полученных от вас распоряжений, может быть, вы присмотрите себе ещё кого-то?

Я внимательно посмотрел на него, на двух стоявших рядом с ним девушек, которых даже с большой натяжкой нельзя было назвать симпатичными, тяжело вздохнул, понимая, что появилась ещё одна причина ссор с Анной, и ответил ему:

– Покажите всех.

Он невозмутимо отдал приказ, и уже через десяток минут я увидел перед собой девичий цветник в прямом смысле этого слова. Молодые, со сверкающими глазами и пышущие той особенной силой юности, которая присуща только тем, кто только входит во взрослую жизнь, они все были очень даже ничего. В голову закралась одна мысль, которую я поспешил высказать.

– Анна выбрала мне самых, – я запнулся обдумывая, какое слово выбрать, – ... самых неочевидных служанок?

– Даже более того, – Гастон посмотрел мне в глаза, – нам пришлось ради этих двух проводить дополнительный набор к основному составу, который привычен к обслуживанию высоких, но не совсем обычных гостей.

«Вот же ж», – я тяжело выдохнул, вспоминая, что Анна была той ещё собственницей.

– Не будем обижать мадмуазель, сомневаясь в её выборе, так что к этим двум добавим ещё вон ту и ту, – я показал рукой на приглянувшихся мне девушек, которые были такими очаровательными и хорошенькими, что у меня в штанах от новых мыслей сразу стало тесно.

– Будет выполнено, – кивнул он, – могу я тогда взять на себя смелось и прислать к вам на ночной туалет только последних указанных девушек? Понимаете, вечером не всегда хватает слуг для уборки дома.

Я скептически хмыкнул при этом его замечании, видя, сколько слуг имеется в небольшом одноэтажном доме, но его задумка мне понравилась.

– Полностью доверяю вашему профессионализму, Гастон, – улыбка чуть тронула моё лицо, но он этого, конечно же, не мог видеть из-за маски, – но ко мне в покои, когда это будет видеть мадмуазель Анна, пусть заходят все четверо, в остальное время по вашему желанию.

– Безусловно, – он чуть поклонился мне, не меняясь в мимике, – если я вам не нужен, гражданин, могу я присмотреть за обедом, чтобы его подали вовремя? Вы в любой момент можете меня позвать: либо позвонив, дернув за шёлковый шнур над кроватью, либо обратившись к любому из слуг.

– Я учту это, спасибо, – жестом руки я отпустил его.

Ко мне сразу же подошли выбранные девушки, не смея поднять взгляда при этом.

– Можем ли мы предложить вам принять ванную? – спросила меня одна из них без особого смущения. Было видно, что они действительно хорошо вышколены и обучены, чтобы общаться с любого вида гостями. Даже с носящими маску и капюшон, полностью скрывающие лицо.

– Ведите.

В богато, но чересчур аляповато обставленных апартаментах, больше похожих на будуар альфонса, мне не понравилось ничего, но выбора не было, первое время придётся потерпеть, чтобы не обижать Анну, к тому же мои жизненные запросы были весьма скромными, так что сильного дискомфорта обстановка мне не приносила, лишь чуть раздражала цветом и обилием мебели. Мне хватило бы большой кровати, шкафа для одежды и рабочего стола со стулом, ну и, конечно, очень много полок под книги. Многие из них были указаны в том списке, что я передал майору.

Шершавые, чуть грубоватые от тяжёлой работы четыре руки дотронулись до груди, растёгивая пуговицы сюртука и старательно обходя маску с капюшоном, помогли мне снять всю одежду. Я едва не со стоном наслаждения погрузился в горячую ванную, которая ждала меня прямо посередине комнаты. Пар густо поднимался вверх, даря мне то ни с чем не сравнимое наслаждение, которое можно получить, только целиком окунувшись в нужной температуры воду. Пока я наслаждался самыми лучшими первыми моментами погружения, позади послышался шорох ткани, и через пару минут ко мне подошли одетые лишь в тонкие хлопковые сарафаны девушки.

– Позвольте вас помыть? – обратилась одна из них и, лишь когда увидела кивок, осторожно намылив мочалку, дотронулась до моего тела.

Я, прикрыв глаза, стал наслаждаться, в то время как по телу, сначала осторожно и неуверенно, а затем всё смелее заездили две пары девичьих ладоней. Они сами поднимали руки и ноги, отмывая их от скопившейся грязи, делая при этом всё молча, но я видел, как они переглянулись между собой, когда увидели мою спину.

Член давно стоял, поскольку после многих месяцев воздержания подобная сладкая пытка никого не могла оставить равнодушным, но я решил посмотреть, как далеко они могут зайти, поэтому не делал ничего, чтобы дать им возможность понять мои желания.

Закончив со всем телом, они принесли новую, чистую маску и удалились из комнаты, дав буквально десять минут, чтобы я смог помыть голову, лицо и надеть чистую ткань, снова скрывшую меня. Осторожно постучав и получив разрешение, обе вернулись ко мне, помогли подняться в ванной и под руки подвели к кровати. Девушки сначала обтёрли всё тело чистыми, мягкими и тёплыми полотенцами, затем уложили на кровать с шёлковым постельным бельём. Я его не очень любил из-за того, что постоянно скользил, но если выбирать между этим маленьким неудобством и вшами, то, конечно же, приятная, хоть и невероятно дорогая ткань выигрывала по всем статьям у проклятых кровососов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.